

Василий Кристонов
Мила Бачурова

Гром гремит дважды

Василий Кристонов

Мила Бачурова

Гром гремит дважды

Серия «Гром гремит дважды», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66162072

Гром гремит дважды: 1С-Паблишинг; Москва; 2021

Аннотация

Главный герой приходит в себя в школе Цзюань. Сюда попадают все, кто задолжал клану Чжоу, и их участь – тяжёлые работы и полное повиновение. Впрочем, можно стать борцом, если бросить вызов другому борцу и победить его, ну... или можно погибнуть в этой схватке. Лей отчетливо помнит, что он не привык сдаваться, он всегда стремился быть сильным и умел постоять за себя. Но вот кто он такой? Постепенно герой вспоминает, что неслучайно оказался в этом мире и что у него есть счёт, который кое-кому надлежит предъявить. Для этого придётся проделать нелёгкий путь вверх, но герой к этому готов.

Содержание

Глава 1. Воспитатели	5
Глава 2. Школа Цюань	15
Глава 3. Консерватория	25
Глава 4. Джиан	34
Глава 5. Долги	45
Глава 6. Прогулка	54
Глава 7. Кухня и танцы	64
Глава 8. Борцы	76
Глава 9. Шужуань	86
Глава 10. Ставка на троих	95
Глава 11. Открытая дверь	105
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Василий Криптов, Мила Бачурова Гром гремит дважды

Автор обложки – Сергей Колесников

© Василий Криптонов, Мила Бачурова

® ООО «1С-Публишинг»

* * *

Глава 1. Воспитатели

– Эй! Эй, ты, как тебя там, новенький? Не слышишь?

Кричали явно на меня – резким, режущим голосом.

Я лежал на полу, на спине, и смотрел в потолок. Там горела закрытая чёрной металлической решёткой электрическая лампа. Жарко. Шумно. Душно.

– Эй! – Надо мной появилось потное круглое лицо азиата. – Тебе говорю. Захотел в первый же день отправиться загорать в лечебницу?

Я сфокусировал взгляд на этом злом лице.

– Ты кто такой? – спросил я, и почему-то собственный голос показался мне чужим. А ещё почему-то азиат не отступил, не потупил взгляд. Он наклонился, схватил меня за грудки и рывком поставил на ноги.

Это сколько же во мне веса, если меня можно вот так вот просто поднять? Я вдруг осознал, что стою напротив мужика, который, может, и ненамного меня выше, но в плечах шире раза в два, а уж про брюхо и говорить нечего.

– Имя! – потребовал толстяк.

В голове что-то зашевелилось, и из памяти на язык выпрыгнуло слово:

– Лей.

– Первое предупреждение, Лей. Ещё два – и отправишься в карцер. За работу!

Жирная скотина влепила мне затрещину. Я слишком поздно заметил, что моя правая рука, обтянутая перчаткой, сжалась в кулак и дёрнулась. Заметил одновременно с толстяком.

– Второе предупреждение, – процедил он сквозь зубы. – Бери лопату и работай!

Он показал глазами вниз и вправо. Я не отвёл взгляда. Пусть дурака в зеркале ищет, я не настолько туп, чтобы отворачиваться от человека, который может атаковать в любой момент, да к тому же весит в три-четыре раза больше меня.

– Нашли чем пугать, – послышался ещё чей-то голос. – Он первую таблетку только утром принял, ему эта консерватория – что мне лечебница.

А вот толстяк совсем не боялся повернуться ко мне спиной. Наивный дурак. Один удар по этому потному блестящему затылку – и... Вот только руки у меня какие-то тонкие, и меня это почему-то удивляет.

– Первое предупреждение, Тао! – рявкнул толстяк.

Он орал на паренька лет четырнадцати-пятнадцати, тоже азиата, стоявшего с лопатой в руках. Тао был одет в чёрное ифу, как и я. Откуда-то я знал, что эта одежда – куртка с завязками и штаны – называется именно так. На толстяке была простая рабочая спецовка. Неопрятная, невзрачного серого цвета, но я подумал, что будь у меня возможность обменяться с толстяком одеждой – махнулся бы не глядя. Такая спецовка всяк плотнее и на порядок удобнее, чем псевдоифу из

дешёвой синтетики.

Тао наклонился и заработал лопатой. Я опустил взгляд. Лопата скоблила берёзовую чурку, очищая её от коры. Чурка лежала на наклонной поверхности, упираясь в подставку. Другая, под углом к ней, наполовину очищенная, лежала с моей стороны. А на дощатом полу валялась лопата.

Я мысленно сложил два и два. Работа. Я – на работе. Что бы там ни несли про карцер, или «консерваторию», как называл его Тао, здесь и сейчас идёт работа.

Толстяк начал поворачиваться ко мне, и я поспешил поднять лопату. Был соблазн треснуть ею по лоснящейся роже, но я сдержался.

– Молодец, Лей, – похвалил толстяк, когда я начал скоблить чурку. – Помни своё место.

«Помни»... Легко тебе говорить, толстозадая свинья. Единственное, что я помню – это светящийся круг с непонятными символами на полу. И то, как я его перешагнул.

Кто – я?

* * *

Я перестал считать очищенные чурки после пятой или шестой. Работа была несложная, но явно для меня непривычная. Мышцы горели. Завтра будут болеть. Ближайшие пару дней придётся потерпеть, потом привыкну. Вот только вопрос – надо ли мне к этому привыкать.

Всего цеха я не видел из-за груды берёзовых чурок с одной стороны. С другой стояли станки, за которыми работали, не поднимая голов, ребята постарше Тао. Как я понял, что постарше – понятия не имею. Этих китайцев чёрт разберёт, пятнадцать ему или тридцать. И откуда-то я это тоже знаю. Как и то, что меня окружают именно китайцы – а не японцы или корейцы, например. И они для меня даже не все – на одно лицо... Хотя сам я – не китаец, почему-то абсолютно в этом убеждён. Несмотря на то, что, судя по реакции окружающих, внешность у меня самая что ни на есть китайская.

– Эй, – тихо позвал я пацана, который трудился напротив. – Тебя Тао зовут?

– Ну, – буркнул тот.

Я продолжал скоблить берёзу, а Тао, как только я к нему обратился, тут же замер и выжидающе на меня уставился. Я заметил, что он держит лопату голыми руками.

– Что это за место, Тао?

– Сильно головой ударился, да? – спросил он, не то сочувствуя, не то издеваясь.

– Угу, – серьёзно отозвался я. – Так где мы?

Откуда-то я знал, что нужно стараться как можно меньше говорить самому и как можно больше слушать.

– Школа Цюань, – сказал Тао, с интересом глядя на меня.

У него на голове был ёжик коротких чёрных волос. Меня же обрили наголо – в этом я убедился ещё лёжа на полу, ощупал тогда башку на предмет повреждений.

Я быстро сопоставлял информацию. Тао, видимо, здесь уже около месяца, или дольше. Мы были не единственными на скоблении, за спиной Тао, за моей спиной молча работали лопатами другие парни – в красных, белых, сине-зелёных ифу. И в каждой паре один был бритым наголо, другой – немного обросший. «Старики» обучали «молодых».

– И чему здесь учат? – спросил я.

Тао засмеялся:

– Ну, будешь часто попадать в консерваторию – петь научишься.

– А толстяк что – учитель? – не отставал я.

– Кто? Шен? – Тао ещё больше развеселился. – Уж этот учитель!

– Я серьёзно. Кто он?

– Да ты чего? – перестал потешаться Тао. – Начальник цеха.

Ну да, согласен, уж это-то можно было понять и самому. Но меня озадачило слово «школа». Почему-то мне казалось, что «школа» – это должно выглядеть как-то иначе.

– Ты на него так смотрел, как будто убить собирался, – сказал Тао, понизив голос. – Поосторожнее. А то он в другой раз предупреждать не станет. И, это... Ну, тут и помимо консерватории есть места.

Он содрогнулся, будто вспомнил что-то. Везучий. Я вот – ничего вспомнить не могу. Только тот светящийся круг на полу, и всё.

– Не собирался я его убивать, – сказал я тихо.

Не собирался. Просто смотрел в глаза, а у китайцев так не принято. Откуда-то я и об этом знаю.

– Тао! – заорал толстяк Шен, выскочив за спиной моего напарника. – Второе предупреждение!

Тао от неожиданности подпрыгнул и тут же согнулся, зашоркал лопатой по дереву. На меня толстяк бросил лишь беглый взгляд и, видимо, остался доволен – я-то, разговаривая, лопатой двигать не переставал. Шен ушёл орать на кого-то ещё.

Больше я к Тао не лез. Во-первых, говорить, когда со всех сторон визжат и гудят станки, было неудобно, а во-вторых, не хотелось снова подставить пацана. Он явно был из тех, кто не может одновременно говорить и работать.

Да и материала для размышлений хватало. Школа Цюань. Цюань – значит кулак. Возможно, здесь обучают каким-нибудь единоборствам. К чему тогда этот цех? Испытание на прочность, прежде чем попадёшь к учителю? Нет, бред какой-то, тогда уж проще было заставить этими лопатами ямы копать.

Зайдём с другого бока. Вокруг – китайцы, говорят по-китайски, но я их отлично понимаю. Больше того – сам говорю свободно. Однако уверен, что этот язык мне не родной. А какой тогда родной?

Память ответов пока не подбрасывала. Я очищал чурки, складывал их в поленницу, откуда их потом забирали другие

и несли к станкам, где чурки распиливали, получая какие-то заготовки, которые шли дальше, в глубь цеха.

Тао работал всё хуже и хуже. Часто останавливался, оглядываясь, нет ли поблизости Шена. Я заметил на черенке его лопаты следы крови.

– Да что с тобой сегодня? – Шен, подкравшись к Тао, дал ему подзатыльник. – Ещё одно предупреждение – и я позову воспитателей.

Воспитатели, ага. Всё интереснее и интереснее.

– Я работаю! – огрызнулся Тао.

– Плохо работаешь! Надо быстрее! Почему новичок делает в три раза больше, чем ты?

– Потому что у меня руки в перчатках, – сказал я, не отрываясь от очередной чурки и не глядя Шену в глаза. – Дайте ему перчатки – и он будет работать не хуже.

Всё-таки молчание, наступившее после этих слов, заставило меня поднять взгляд. Толстяк Шен внимательно на меня смотрел, будто хотел убедиться, что я действительно существую. Что-то там, в его лысой голове происходило. Он отвернулся от меня и вновь уставился на Тао, сложив руки на груди.

– Работай. Я посмотрю.

Тао, стиснув зубы, соскабливал кору. Шен стоял над душой. Разговоры вокруг смолкли, казалось даже, что станки стали работать тише.

Лопата Тао неудачно скользнула, он со стоном подался

вперёд вслед за ней. Разжал одну руку, посмотрел на кровавые мозоли.

– Дерьмо. – Толстяк сплюнул на пол. – Третье предупреждение.

– Подождите! – закричал Тао. – За что? Я ведь работаю!

– Много веселился. Много болтал, – сказал Шен, и мне показалось, будто он что-то нажал в кармане своей спецовки.

Я затылком, спиной ощутил чьё-то быстрое приближение. Пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы не повернуться с лопатой наперевес. Не надо, Лей. Ты ещё совсем ничего не понимаешь тут. Помнишь? Сначала разберись, потом – действуй. Помнишь... Откуда – другой вопрос.

Слева мимо меня прошли, один за другим, трое взрослых мужчин в жёлтых ифу. У двоих на поясе висели дубинки, у третьего я заметил электрошокер. Воспитатели, говорите? Ну-ну.

– Этот? – Шедший первым «воспитатель» ткнул дубинкой в сторону Тао, который стоял, держась одной рукой за лопату, будто утопающий за соломинку.

Шен кивнул.

– Я работал! – выкрикнул Тао.

– Ну, наверное, плохо, – чуть ли не ласково сказал «воспитатель», а в следующий миг его дубинка ударила Тао по спине.

Тао закричал, упал на колени. Дубинка воспитателя поднялась вновь.

– Эй! – крикнул я, разгибаясь.

Это уже переходило все границы. С любителями махать дубинкой по поводу и без я привык разговаривать быстро и жёстко – так, чтобы этот разговор они запоминали надолго.

Меня услышали. Наверное, мне повезло, что в этот момент я изо всех сил хватался за ускользающую ниточку памяти: где я привык разговаривать быстро и жёстко? Кто любил махать дубинкой по поводу и без? Это недовоспоминание меня отвлекло, и когда двое воспитателей налетели, я не успел вовремя поднять лопату. Если бы успел и кого-то из них ранил или убил... Чёрт знает, что бы со мной сделали.

Но меня сшибли с ног и прижали к полу. Дубинка вдавилась в кадык. Я не мог дышать, меня сотрясали рвотные спазмы. Я сдерживал их только потому, что понимал: если вырвет – тут же и захлебнусь.

– Этого тоже берём? – спросил воспитатель.

– Да бросьте, вы меня совсем без работников оставите, – сказал Шен. – Мальчик просто первый день здесь, не успел понять, что к чему.

– Воспитанник не должен повышать голос на воспитателя.

– Знаю, знаю. Мы с ним поговорим.

Дубинка исчезла. Я вдохнул, выдохнул. Откашлялся. Двое воспитателей мимо меня протащили упирающегося Тао. Третий остановился и, наведя на меня шокер, нажал кнопку. Яркая молния разряда метнулась между контактами. Наверное, мне нужно было испугаться. Но воспитатель

не стал дожидаться реакции, а ушёл вслед за остальными двумя.

– Хорошо работаешь. – Ко мне подошёл Шен и протянул руку. – Те, кто хорошо работают, передают от меня записки на кухню.

Он подмигнул. Я, помедлив секунду, взялся за протянутую руку и встал.

Глава 2. Школа Цюань

У меня в глазах рябило от бесконечных берёзовых чурок, когда, будто глумясь, прозвенел обычный школьный звонок. Я поднял голову, выпрямил спину, не веря, что это – конец. Я уже перестал думать о том, кто я, где я и почему. Мысли затопила усталость.

– Закончили! – прогремел голос Шена. – Спасибо за работу!

– Да подавись, – буркнул я себе под нос.

Лопату я поставил туда же, куда ставили остальные, перчатки сдал Шену и, увлекаемый толпой галдящих парней, вышел на улицу.

Прохладный вечерний воздух освежил лицо. Летней духоты нет, весенней влаги тоже не чувствуется. Осень, наверное.

Я глубоко вдохнул, выдохнул. Попытался определить, который час. Уже стемнело, но ещё не ночь. Значит, часов восемь-девять.

Выйдя из цеха, мы оказались в засыпанном белым песком внутреннем дворе большого здания. Здание было трёх-ярусным. Внизу располагался цех, с другой стороны – что-то ещё. Оттуда вышли, весело переговариваясь, два десятка крепких, бугрящихся мускулами парней.

– Борцы, – услышал я, сзади. – Они идут мыться первыми.

Я проводил борцов взглядом. Их одежды были подобны нашим, но даже издали было заметно, что ткань – куда лучшего качества. А ещё у них были пояса. Большинство поясов – белые, но я заметил несколько жёлтых, оранжевых и даже зелёный.

Вслед за борцами из той же двери вышел пожилой китаец и остановился, положив руки на палку. Не то трость, не то просто палка для наставления учеников. Здесь, как я успел заметить, все носили короткие стрижки, однако у борцов и у этого пожилого волосы были длинные. Он стоял, не шевелясь, и смотрел в нашу сторону.

А нас становилось всё больше. Я заметил, что появились девчонки. В таких же ифу, как у парней, с завязками – но куртки, в отличие от наших, были длинными, по колено. Девчонки весело щебетали между собой, смеялись – парни-то в основном угрюмо помалкивали. Устали.

Высокие ворота были закрыты. Посмотреть, что там, снаружи, не было никакой возможности. Всё, что я мог видеть вне стен школы Цюань, это тёмное, затянутое дымкой небо. А стен я не узнавал. Надежда на то, что вспомню что-нибудь, выйдя из цеха, испарилась.

Ладно. «Не знаешь, что делать – дыши». Кто это говорил? Не помню. Но слова правильные. Можешь дышать – уже хорошо, сконцентрируйся на этом. Пусть события развиваются дальше, а я посмотрю, в какую сторону грести.

Мы простояли минут пять. Кто-то захныкал. Кажется,

кто-то из парней. Я не стал оборачиваться. Успокоить нечем. Девчонок увела в женскую душевую воспитательница, женщина лет сорока на вид, с совершенно безжизненным лицом. Казалось, она даже говорит, не разжимая губ.

Наконец борцы вышли и побрели в нашу сторону. Мы все, подчинившись махнувшему рукой воспитателю, отправились им навстречу. Разминулись посередине двора. Я незаметно постарался рассмотреть борцов. Большинство – просто крепкие парни, но трое-четверо – действительно здоровенных. Интересно, что за борьбу они практикуют. И главное – зачем.

В душе я обнаружил зеркало и остановился перед ним. Ну, как и предполагал – тощий бритый наголо китайский подросток. Такого же возраста, как Тао. Я поднял руку, и подросток тоже поднял руку. Я оскалил зубы – он повторил и это.

– Удивительно, правда? – хохотнул кто-то, проходя мимо.

Да уж, удивительно. Удивительно – смотреть в зеркало и точно знать, что видишь этого парня впервые в жизни.

* * *

В столовой я внезапно растерялся. Все ученики разошлись по сторонам и заняли места за длинными столами. Я, до этого момента двигавшийся в общей массе, замешкался. Пошёл к самому дальнему столу и обнаружил, что это – стол

борцов. Поздновато обнаружил, меня заметили. За столом тут же смолкли разговоры, на меня уставились двадцать пар глаз.

– Хотел чего-то? – спросил тот, у которого чёрное ифу было подвязано зелёным поясом.

Спросил без наезда, спокойно, однако я знал цену таким людям. Нельзя покупать на их улыбки и убаюкивающие интонации. Глазом моргнуть не успеешь – перегрызут глотку.

– Я сегодня первый день... – начал я.

– Так а сосед твой где? – оборвал другой борец, в красном ифу с белым поясом.

– В консерватории, – сообщил я.

Борцы переглянулись и заржали. Ко мне потеряли всякий интерес. Завели разговор вполголоса, бодро орудуя палочками в чашках. Я сглотнул слюну. В чашках лежал белоснежный рис, овощи и мясо. Только сейчас дошло, что я голоден, как стая волков.

Длинными волосами борцы, похоже, гордились. Одни стягивали волосы в хвост, другие позволяли им падать на плечи, у нескольких я заметил замысловато заплетённые косички. Интересно, кого-нибудь из них в драке хватили за волосы? Хотя вряд ли, конечно, эти парни дерутся на улицах. Элита, блин.

– Что ты тут делаешь? – Меня схватили за руку. – Черепахи сидят там!

Я обернулся, увидел девчонку, ростом на полголовы ниже меня и тоже в чёрном ифу. Когда она потащила меня к столу, до меня дошло, что ученики элементарно разделились по цвету одежды. Всё-таки мышление барахлит. Неудивительно, учитывая, сколько всего и сразу на меня свалилось.

– Меня зовут Ниу, – сообщила девчонка, убрав с глаз длинную чёлку, когда мы с ней уселись на свободное место на длинной лавке.

Все остальные уже ели – торопливо, молча. Я взял в одну руку чашку с рисом, в другую палочки. Действие показалось знакомым, но непривычным. Так, будто я умел есть палочками и точно знал, что чем ближе поднесёшь ко рту чашку, тем ловчее получится закидывать в себя рис – но именно умел и знал. Каждый день палочки точно не использовал.

– Лей, – представился я, прежде чем отправить в рот первую порцию еды.

– Знаю, я тебя ещё на переключке запомнила, – затараторила Ниу. – Куда тебя поставили? На распил?

– Кору снимать.

– Тоже тяжело. Устал?

Я пожал плечами, стараясь есть как можно быстрее. Судя по тому, как все торопятся, время тут ограничено.

– Быстро привыкнешь, – продолжала болтать Ниу. – На самом деле тут неплохо. А что ты делал до школы?

– А что мы все тут делаем? – ответил я вопросом на вопрос.

– Как что? – изумилась Ниу; она каким-то образом умудрялась не отставать от меня в еде, да ещё и болтать без умолку. – Отдаём долг клану Чжоу.

Я вопросительно посмотрел на Ниу, и она вдруг рассмеялась, хлопнула себя по лбу ладонью и опять убрала с лица волосы.

– Я поняла! Ты потерял память?

Сначала я напрягся, но потом даже вздохнул с облегчением. Значит, то, что со мной происходит, имеет какое-то объяснение?

– Ну чуть-чуть, – сказал я.

– Так бывает! – Ниу словно бы невзначай коснулась моей руки. – После первоначальных процедур в первые дни чего только не бывает. У одной девочки тоже память пропадала, но за неделю восстановилась.

– А пока она не восстановилась – объясни, что за долг и что за клан? – попросил я.

Болтать Ниу, судя по всему, только в радость, а я слушаю. Болтун – находка для шпиона. Или для потерявшего память.

– Смотри. Ты совершаешь преступление, тебя ловят. Денег у тебя нет, родственников с деньгами – нет. Что с тобой делать? – Ниу развела руками. – Правительство продало нас клану Чжоу, и теперь мы – собственность клана Чжоу.

– Имущество, – буркнул мой сосед слева, гоняя палочками последнюю рисинку по дну чашки.

«Бред какой-то», – едва не вырвалось у меня. О чём она говорит? Продажа людей? Правительство продаёт людей какому-то там клану? Может быть, это такая шутка для новичков? Даже без «может быть», это точно шутка. Нельзя же поверить в такую чушь!

– А почему это место называется школой? – спросил я, стараясь не выдать скепсиса.

– Потому что по закону считается школой, – объяснила Ниу. – Здесь учат борцов, для турнира. Турнир – тоже деньги, там делают большие ставки. Особенно когда турнир между кланами.

Я уже открыл было рот, чтобы спросить что-нибудь насчёт этих загадочных «кланов», когда вновь прозвенел школьный звонок, и все ученики, как один, вскочили. Ниу потянула меня за рукав. Я встал, оставив на донышке недоеденный рис.

В столовой появились воспитатели. Пятеро выстроились вдоль стены, сложив на груди руки. Ещё четверо сели за свободный стол, положив перед собой планшетки со списками и...

Внезапно меня прошиб пот, во рту пересохло, сердце тяжело забилося. В чём дело? Что со мной творится? Как будто я что-то узнал. Но что? Графины с водой? Одноразовые пластиковые стаканчики для воды? Маленькие картонные стаканчики для таблеток? Пожалуй, да. Я как будто чуял запах, и он мне не просто не нравился – он меня убивал.

– Драконы, – поднял руку воспитатель в сине-зелёном

ифу. – Быстрее, опоздаете на молитву.

Слова про молитву уже пролетели мимо ушей. Я изо всех сил старался унять панику. Даже нет – не унять. Я пытался понять, что её вызвало, найти ниточку, которая повела бы меня в глубины памяти.

– Успокойся. – Ниу сжала мне руку. – Надо просто выпить таблетку. Борцы идут первыми.

Борцы уже были возле того стола. Каждый подошёл к воспитателю своего цвета. Первые четверо картинно запрокинули головы, проглотив таблетки, потом запили их водой и прошли к выходу.

– Что за таблетки? – спросил я шёпотом, когда мы выстроились в подобие колонны.

– Здесь их называют просто «лекарство», – охотно пояснила Ниу. – Снимают боль, помогают от нервов, улучшают выносливость.

– Их обязательно принимать?

– Конечно. Таблетки после трёх дней вызывают привыкание. Отвыкнуть нельзя. Это – наш поводок, понимаешь? Даже если сбежишь, без этих таблеток не выживешь. Нигде больше достать их нельзя.

По мере того как очередь двигалась, сердце колотилось всё сильнее. Мне казалось, я чувствую медикаментозный запах этой дряни, которую все безропотно глотают.

Ниу продолжала сжимать мою руку. Заметив это, я высвободился и несколько раз глубоко вдохнул-выдохнул. Полег-

чало. Я понял одно: пить таблетки не стану.

Ниу прошла первой. Она взяла картонный и пластиковый стаканчики, повернулась и направилась к выходу, бросив на меня взгляд на прощание. Затеплилась надежда.

Я тоже взял оба стаканчика со стола.

– Лей? – спросил воспитатель и, не дожидаясь подтверждения, поставил галочку в списке.

Я отвернулся и пошёл вслед за Ниу.

– Стой.

Я остановился и посмотрел на воспитателя в чёрном ифу.

– Выпей лекарство.

В этот момент сердце окончательно успокоилось. Когда припёрли к стенке, волноваться уже нет смысла.

– Можно глупый вопрос? – сказал я. – Почему одним можно даже выйти из столовой с этой таблеткой, а мне надо выпить при вас?

– Не только тебе, – поправил воспитатель. – Каждому обритому новичку. Пей.

Кивнув, я залпом осушил стакан с водой. Потом перевернул картонный стаканчик, и белая таблетка упала на пол.

– Нет, – сказал я.

В спину ударила дубинка, ещё одна – под левое колено. Я вскрикнул, упал на колени, опёрся на руки. Меня ударили снова, и я упал лицом в пол.

– Открой рот, скажи «А-а-а», – прошипел голос над ухом.

Я попытался вырваться, мне это даже почти удалось. Уда-

ры посыпались, как картофелины из ведра. Меня подняли, врезали дубинкой под дых, потом разжали челюсти и впихнули в рот таблетку.

– Воды, – приказал кто-то.

Челюсти снова разжали, в рот потекла вода. Я начал захлёбываться и пришлось пить. Таблетка проскользнула в горло, и в этот момент я понял, что чувствовал всё это время – с тех пор, как в столовую внесли таблетки. Не страх, нет. Это была ненависть.

– Проводите ученика в консерваторию. Пусть подумает над своим поведением.

Меня схватили под руки, поволокли прочь из столовой.

– А ты мне сразу не понравился, – услышал я сзади голос.

Потом меня бросили в песок, и раздался знакомый треск. «Электрошокер», – вспомнил я, прежде чем эта дрянь ткнулась мне в спину. Кажется, я заорал. Кажется, мне прилетело дубинкой в затылок. Потом всё исчезло. А во тьме, окружившей меня, появился жёлтый дракон. Он вился, то закручиваясь кольцами, то выпрямляясь, взмахивал крыльями и приближался ко мне. Когда же он оказался так близко, что я мог разглядеть каждую чешуйку на его морде, пасть дракона раскрылась, и сотня острых зубов пронзила моё тело.

Боль была невыносимой, но она, наконец, дала мне ниточку, ведущую к памяти, и я за неё потянул.

Глава 3. Консерватория

– Не вынуждай меня. Я за тебя поручился, сказал, что ты способен шевелить мозгами.

Голос знакомый, но впервые он говорит с такими интонациями. Угроза и страх. Он боится. Но чего? Ведь это мне больно, это меня грызёт жёлтый дракон. Стремительная тварь скачет вокруг меня, словно бешеная собака. Кажется, что его зубы одновременно пронзают каждую клетку тела.

Шприц в слегка дрожащих руках. Тонкая струйка брызжет с кончика иглы.

– Эта штука вызывает привыкание сильнее, чем героин. Не заставляй сажать тебя на поводок, Лей.

Я смотрю на шприц, как зачарованный, не могу поднять взгляд. Я боюсь, мне страшно увидеть лицо человека, который держит его. Боюсь – и не хочу.

– Я убью тебя, – произносят мои губы. – Когда я отсюда выйду, мы с тобой встретимся, обещаю.

Шприц опускается, как будто поникли плечи человека, который его держит. Шелестит усталый вздох.

– Ты сделал неправильный выбор...

Игла входит в вену. Жёлтый дракон кусает мою левую руку. Я слышу свой крик, он всё дальше и дальше, как будто меня уносит от самого себя скорый поезд. Со мной остаёт-

ся только рычание дракона, который утоляет свой голод моей болью.

И ещё – кто-то плачет. Близко, достаточно руку протянуть. Плачет в темноте...

** * **

Я открыл глаза, но не почувствовал изменений. Как было темно – так и осталось. Либо я ослеп, либо нахожусь в наглухо закрытой комнате без окон. Лежу на холодном каменном полу, заочневшее тело сдавлено обручами боли. Дракoнья пасть стиснула меня и не отпускает.

Не двигаясь, мысленно я ощупал всё своё тело, убедился, что боль – поверхностна. Она не проникает вглубь, у меня ничего не сломано, внутри всё работает как надо. Я знаю разницу между болью и *болью*. Различать оттенки боли – моё давнее хобби, если не профессия.

Я упёрся руками в пол, отжался. Левый локоть пробила игла боли. Я поморщился. Нащупал стену, подполз к ней и сел, прислонившись спиной. Перевёл дыхание.

Всхлипы затихли. Кажется, человек, который плакал, troppoливо вытирал сопли рукавами. Я снова поморщился. Не люблю плачущих мужчин. Сам, кажется, не плакал ни разу в жизни, если не считать совсем уж раннего детства.

– Очнулся? – Голос, как и рыдания, послышался слева.

– Угу, – откликнулся я.

Говорить не хотелось. Вдобавок к старой подруге боли пришла тошнота. Голова кружилась, а я даже не мог зацепиться взглядом за какой-нибудь неподвижный предмет. Вокруг – чернота. Всё бы отдал за огонёк спички, хоть на мгновение. Правда, «всё» в моём положении – разве что ифу, которое на мне надето, да матерчатые тапки на резиновой подошве. Больше у меня, кажется, ничего нет. Хотя и ифу вряд ли моё. Наверняка казённое.

Школа Цюань.

Кулак.

Приют для беспризорников, имевших неосторожность попасться в беззубую пасть закона. А закон – продал их в рабство.

– Ты кто? – не отставал голос. – Я не успел разглядеть, когда тебя втащили. Ты из черепях, да?

– Что ещё за черепахи? – спросил я. Вспомнил, что Ниу их тоже упоминала.

Голос я уже узнал, да и не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что это – Тао.

– Лей? – Тао, кажется, обрадовался. – Надо же, мы опять соседи. Может, нас неспроста свела судьба?

– Веришь в судьбу? – усмехнулся я.

– Конечно! А ты разве нет?

– Ну... Я верю во всесильного злобного старикашку, который сидит на небе, тычет каждого из нас раскалённой коcherгой и смеётся. Если можно назвать его «судьбой» – пусть

так. Повторяю вопрос. Что за «черепахи»?

– Ясно, – вздохнул Тао. – Память отбило после процедур?

– Похоже на то.

– Угу. Редко, но бывает... Чёрные Черепахи – это отделение, к которому тебя причислили. Мы с тобой – Чёрные Черепахи, носим ифу чёрного цвета. А есть ещё Белые Тигры, Лазоревые Драконы и Красные Птицы.

– И в чём разница?

– В цвете ифу, – сказал Тао таким тоном, будто я задал совершенно идиотский вопрос.

– А-а, – протянул я. – Понятно.

Поверил Тао сразу и безговорочно. Вполне в духе реальной жизни – навесить бессмысленный ярлык и заставить им гордиться.

– Говорят, это как-то связано с нашими преступлениями, – продолжал Тао. – У каждого отделения свой куратор.

Он странно говорил, как будто сквозь зубы. Когда-то в прошлой жизни я такое слышал.

– Ломает? – спросил я.

– Не то слово, – процедил Тао. – Таблетку не дали, гады. Ещё и отделали...

Я вспомнил, как его «отделали», и беззвучно усмехнулся. Мне досталось куда сильнее. Впрочем, хвастаться побоями не стану.

Мутило всё настойчивее. Я заставил себя подняться и, держась за стену, двинулся в обход. Каменная стена закон-

чилась, когда я сделал первый шаг. После этого пошёл вдоль решётки, которая отделяла меня от Тао. Он тихонько подвывал. Я представил себе, как он сидит, обхватив колени руками, и покачивается взад-вперёд. Меня перекосило от отвращения.

Нет, неправильно. Тао не виноват, что его посадили на таблетки. Что бы этот парень ни натворил до того, как попал в «школу», такого выбора он не делал, это сделали за него.

– Спасибо, что пытался заступиться, – сказал Тао; ему, похоже, надо было разговаривать, чтобы отвлечься.

– Не люблю, когда избивают беззащитных, – откликнулся я, продолжая свой путь.

Решётка, разделяющая две камеры, закончилась. Опять камень. Угол. И железная дверь в противоположной стене. Возле двери я задержался, глубоко дыша ртом. Нет... Если придётся глотать таблетки – я тут долго не протяну. Зря устроил это представление в столовой. Спрятать таблетку – пара пустяков. Я ведь уже так делал. Делал?..

– Я не беззащитный! – заорал Тао так, что я вздрогнул.

– Как скажешь, – пробормотал я, решив его не одёргивать. Последнее дело – пытаться говорить с наркоманом, как с нормальным человеком. Кто бы ни сделал за него этот выбор.

– Я много тренируюсь, – неизвестно кому с жаром доказывал Тао. – В следующий перепрофиль пройду испытание и стану борцом!

– Что за перепрофиль? – Мне тоже было легче говорить, это отвлекало от тошноты.

– Первый день месяца, когда можно сменить работу. Надо только пройти испытание.

– Ясно. А зачем тебе становиться борцом?

Я вспомнил отожранные туши борцов, сидящих в столовой, мысленно сопоставил с Тао и покачал головой. Впрочем, то, что я видел в зеркале, выглядело ещё смешнее. Как говорится, «соплёй перешибёшь».

– Как же! – воодушевился Тао, ухватившись за новую тему, которая, похоже, была его излюбленным коньком. – Борцы – свободные люди.

– Серьёзно? Чего же они тут сидят?

– Ты не понимаешь! – Тао, судя по звуку, вскочил и положил руки на решётку. – Они свободны от работы.

– И от уплаты налогов, – пробормотал я.

– Что?

– Ничего. Чем, говоришь, они занимаются?

– Тренируются с учителем Вейжем. Выступают на турнирах, защищают честь школы. Они первыми ходят в душ, и в столовой для них – самая лучшая еда.

Это я уже заметил. У борцов в мисках были куски мяса, а у меня – только рис и овощи. Которые, к тому же, упорно просятся наружу.

– Борцы сами выбирают себе соседей по комнате, – вдохновенно продолжал Тао. – И комнаты у них больше. А ещё

есть общая комната, где они сидят и играют в маджонг после отбоя. Им можно пропустить молитву. Можно даже взять любую девушку!

– И кого ты себе наметил? – спросил я, двинувшись дальше. Решил обследовать помещение до конца.

Угол, ещё одна решётка – но соседняя камера, судя по всему, пуста. Сколько их тут, интересно?

– Н-никого, – смутился Тао. – Я просто так говорю.

– Ясно.

Почему-то вспомнилась Ниу. Пожалуй, из всех виденных здесь девчонок, она была самой красивой – по крайней мере, на мой вкус. И каково ей жить здесь – где любой борец может взять её, не спрашивая согласия? Впрочем, чёрт их, китаянок, разберёт. Может, для Ниу это обычное дело. Может, даже гордится, если выбирают её.

– А ещё борцов возят в город, – добавил Тао.

Он явно изливал мне душу, делился мечтой. А мне не нужна была его мечта, я хотел только информацию.

– А что бывает, когда у счастливицы округляется живот? – спросил я.

Тао, похоже, не сразу понял, что я имею в виду. Я уже испугался, не придётся ли читать ему лекцию о последствиях половых сношений, но тут до него дошло. Тао рассмеялся:

– Такого не бывает! Из-за наших таблеток.

Мог бы и сам догадаться.

В углу я наконец споткнулся об то, что искал. Металли-

ческое ведро брякнуло. Я опустился на пол, поставил ведро между ног и, склонившись над ним, засунул два пальца в рот.

– Тебя тоже уже ломает? – удивился Тао, вежливо переждав, пока меня выворачивало. – Не успел принять таблетку? Кстати, за что тебя вообще?

– Не хотел принимать таблетку, – сиплым голосом ответил я.

Не сказать, чтобы резко полегчало, но, по крайней мере, теперь я чувствовал, что эта дрянь меня больше не отравляет. Осталось переждать симптомы.

– Они тебя заставили выпить, да? Воспитатели?

– Угу.

– А почему тебя выворачивает? Заболел?

– Я не переношу наркотики, – сказал я, сам с удивлением слушая свои слова. – Они на меня не действуют. Вернее, действуют, но – вот так. Боль. Тошнота. Жар, озноб – всё, что угодно, кроме того, что положено.

– Странно, – недоумевал Тао. – Обычно у всех так бывает, если пропустишь таблетку.

– Вот видишь. У всех сначала кайф, потом – ломка. А у меня – только ломка. – Помолчав над вонючим ведром, я добавил: – Поэтому я ненавижу дурь. И всех, кто на ней сидит. Всех, кто её толкает на улицах. В школах, универах, клубах и кабаках...

Каждая фраза была откровением. Я тоже изливал сейчас душу, только не Тао, а самому себе. Память всё ещё скрыва-

лась за семью печатями, но то, что я говорил, было важнее памяти. Что-то из области любви или веры. Не поддающееся законам ума. Просто существующее.

– Всё равно таблетки глотать придётся, – сказал Тао.

– Посмотрим, – буркнул я и отодвинул ведро в сторону. – А что нужно, чтобы стать борцом?

С отравой разобрался, но теперь передо мной встала другая проблема: обезвоживание. Казалось, все кишки разом ссохлись и слиплись в ком. Горло горело.

– Продержаться три раунда против одного из борцов, – сказал Тао.

– Ну тогда у меня плохие новости, – сказал я, опять вспомнив здоровяков из столовой. – Месяца на подготовку тебе не хватит.

– Да пошёл ты! – Тао ударил по решётке. – Главное – сила духа. Я сказал, что пройду – значит, пройду. Понял меня?

– Понял, понял... А теперь – давай помолчим, хорошо?

Я закрыл глаза. Попытался уснуть – не вышло. Тао выдержал в тишине минуту. А потом он начал выть.

За эту бесконечно долгую ночь я оценил чувство юмора тех, кто назвал карцер «консерваторией».

Глава 4. Джиан

Когда ключи загремели в дверях, я уже хотел убить Тао голыми руками, чтобы он наконец-то заткнулся. Он выл, стоял, иногда плакал, но стоило мне задремать, как Тао будил меня громким воплем. Кидался на дверь, барабанил по ней кулаками и, кажется, головой, звал воспитателей, молился.

Не зря всё-таки проштрафившихся учеников держали в одиночных камерах. Наверняка два-три таких недоумка побивали бы друг друга. А клану не нужны смерти, клану нужно вернуть деньги с процентами. Бизнес есть бизнес, и если с человека можно выдоить хоть что-нибудь, его смерть не выгодна.

Две двери, моя и Тао, открылись одновременно. Я прищурился. Тусклый свет снаружи ударил по глазам, как лезвие бритвы. Тао бросился к выходу, умоляя о таблетке, до размеров которой сжались все его надежды и мечты.

Я вышел спокойно, остановился в коридоре. Фигуру воспитателя видел смутно. Давящее ощущение собственной ничтожности меня бесило. Воспитатель казался большим и сильным, свободным. Я же – тщедушный подросток, терзаемый жадой и измученный бессонной ночью, – был по сравнению с ним букашкой.

– Ты подумал над своим поведением? – спросил воспитатель. Кажется, тот урод, что любил тыкать шокером.

– Да, – сказал я, помня, что решил больше не лезть на рожон.

К тому же, я разглядел, что в левой руке воспитатель держит стаканчик с водой. Крохотный жалкий стаканчик – капля против того, что мне хотелось в себя залить. Я бы, наверное, выпил ведро воды.

– Ты будешь хорошим мальчиком, так ведь?

В трёх шагах слева Тао едва ли не слизал таблетку с руки другого воспитателя и уже хлюпал водой, проливая её на пол.

– Обещаю, – буркнул я.

– Будешь пить лекарство, когда скажут, так?

– Буду.

– Молодец. – Воспитатель явно глумился. – Давай начнём прямо сейчас?

Я кивнул. Говорить не хотелось, горло ссохлось. Каждое слово будто ворочало там горы песка.

Картонный стаканчик с таблеткой приблизился ко мне. Я взял его и опрокинул себе в рот. Содрогнулся, когда эта дрянь коснулась слизистой оболочки.

– Держи.

Наконец-то вода. Я взял стаканчик и заставил себя пить медленно, небольшими глоточками, чтобы желудок правильно принял живительную влагу и выжал из неё максимум пользы.

– Открой рот.

Я открыл. Воспитатель посветил внутрь фонариком, на-

клонился, морщась.

– Язык подними.

Я подчинился.

– Хороший мальчик. Сразу бы так.

Закрыв рот, я выдавил виноватую улыбку. Воспитатель улыбнулся ещё шире. Однажды я засуну шокер ему прямо в задницу и буду давить на кнопку до тех пор, пока заряд аккумулятора не закончится. Должна же быть у человека мечта. Тао мечтает стать борцом, а я – познакомить этого выроodka с его оружием поближе. Ни та, ни другая мечта почти наверняка не исполнится, но на то ведь и мечты, не так ли?

* * *

Завтрак мы с Тао пропустили. Я попросил ещё воды, но получил только тычок в спину дубинкой.

– В цеху попьёшь, – тихо сказал стремительно приходявший в норму Тао. – Там есть раковина.

Я кивнул.

Нас вывели во двор, под рассветное небо. Ученики валили из столовой. Часть пошла в цех, часть – к воротам. Похоже, какие-то работы ведутся и снаружи. Ну, логично – берёзовые чурки ведь откуда-то берутся.

На середине двора мы влились в поток других Черепак – ребят в чёрных ифу.

– Как консерватория? – спросил парень с уже изрядно от-

росшими волосами, которые можно было расчёсывать. – Выучил новые песни?

Он обращался к Тао. Я думал, Тао сейчас бросится на него, не потерпев насмешки над пережитыми мучениями, но он беззаботно рассмеялся:

– Парочку да. На прогулке напою.

– Ой, не надо! У тебя совершенно нет слуха.

Они смеялись, идя рядом. Я тащился следом и смотрел на них. «Быстро привыкнешь, – вспомнились слова Ниу. – На самом деле тут неплохо». Наверное, даже в аду грешники говорят друг другу, что, в общем-то, тут неплохо. Уж лучше, чем в раю, где одни неженки, с которыми и поговорить-то не о чем.

Ниу оказалась легка на помине. Когда я уже подошёл к двери цеха, она появилась откуда ни возьмись, сунула мне в руку свёрток вощёной бумаги, шепнула: «Спрячь пока!» – и унеслась прочь.

Я проводил её взглядом. Она бежала, как ребёнок, песок летел у неё из-под ног. Интересно, сколько ей лет? Кажется, не моложе меня. Впрочем, сколько лет мне, я тоже толком сказать не могу.

Свёрток я сунул под куртку и вошёл в цех.

– Лей – герой! – насмешливо встретил меня Тао. – Говорил, не будет пить лекарство, а сам съел таблетку, слова не сказав.

Друг Тао смерил меня взглядом.

– Видел бы ты, что он вчера в столовой устроил. Но он хотя бы до конца ужина потерпел. А ты – бестолочь.

– Я зато половину работы пропустил, – оскалился Тао довольной улыбкой.

– Ты говорил, где-то тут можно попить, – напомнил я.

Тао указал в дальний край цеха. Я пошёл туда. Звонка ещё не было, начинать работу никто не торопился. Я прошёл мимо бассейна, рядом с которым лежали напиленные с вечера чурки. Дно бассейна было застелено металлической сеткой, бетонные стенки покрывал коричневый налет. Для чего нужен этот бассейн – я не понял. Сейчас он был пуст, иначе я бы не стал разбираться и выпил его до дна.

Раковина оказалась в углу. Я открыл ржавый кран, наклонился и первым делом умыл лицо. Как всегда после бессонной ночи кажется, что лицо – чужое. В этот раз, впрочем, ощущение соответствовало действительности. Соотнести себя с тем, что показывало мне мутное треснувшее зеркало над умывальником – не получалось, хоть убейся.

Я закатал длинноватые рукава ифу и осмотрел руки. Никаких следов от инъекций. Чистые вены. Что же я тогда вспоминал? Или это – просто бред, вызванный вчерашней таблеткой?

Я незаметно огляделся – никто на меня не смотрел – достал зажатую между губой и десной таблетку и спрятал её в подвёрнутый рукав. Только после этого, нагнувшись, поймал губами тепловатую струйку воды.

– Что мы вообще делаем? – спросил я.

Мы терзали берёзу уже не меньше часа. Я едва на ногах держался, есть хотелось так, что в глазах темнело, но толстый Шен вечно крутился поблизости, и я не хотел доставать свёрток при нём. Привяжется опять со своими «предупреждениями», а я, может, ещё и Ниу подставлю. Не зря же она велела свёрток припрятать. Пока не разберусь с местными порядками, лучше не высовываться.

– В смысле? – Тао опять, как вчера, замер, положив лопату на чурку.

Он снова работал без перчаток и то и дело перехватывал черенок поудобнее, чтобы не тревожить кровавые мозоли, что, конечно, было невозможно.

– Вот это всё, – мотнул я головой, имея в виду цех. – За чем? Что на выходе?

– Палочки.

– Чего?

– Мы производим палочки для еды.

Тут даже я замер и уставился на Тао. Нет, он говорил серьёзно.

– Те, которыми едим в столовой? – уточнил я.

– Ну... и их тоже, наверное. Но большую часть – на продажу.

– Куда?

– Ну куда... В магазины, кафе, фастфуды. Людям.

Я заставил себя опустить взгляд и вернуться к работе. Потрясающе. Стоять весь день, не разгибаясь, чтобы сделать какие-то грошовые палочки. В прежней жизни знать не знал, насколько это сложный и трудоёмкий процесс.

Тао опять прощёлкал приближение Шена, и тот на него наорал, вынес предупреждение. Я вздохнул. Надо отсюда выбираться. Никакого желания «привыкать» не было. Лучше уж сдохнуть на улице от голода, чем положить жизнь на выплату какого-то долга, о котором я даже не помню.

К тому же надо разобраться со своим прошлым. Все эти воспоминания – о чём они? Что со мной сделали? А главное – кто? Одно очевидно: всё, что я вспомнил, происходило не в этих стенах. Здесь я недавно. Значит, искать виновника – если он, конечно, существует, – тоже надо снаружи.

Тао шёпотом выругался, когда рука скользнула по черенку, опять остановился, затряс ладонью. На лице его было написано страдание.

– Почему тебе не выдают перчатки? – спросил я.

Тао угрюмо промолчал, глядя в сторону. Я, поглядывая на него, не забывал обрабатывать чурку.

– У него забрали перчатки, – со смешком сказал тот парень, с которым Тао разговаривал утром. – Джиан. Тао ему проиграл в карты, а отдать не может – сам всё жрёт.

– Пенг, заткнись! – закричал Тао. – Не суй нос не в своё

дело!

Всё-таки он, даже когда его не ломает, сдерживаться не способен. А ещё что-то там про «дух» заливает. С таким «духом» бойцами не становятся. Разве что в уличных бандах отморозков.

Пенг, смеясь, прошёл мимо. Он ходил в туалет, теперь возвращался к станку.

– Это правда? – спросил я.

Тао сопел, всем своим видом показывая, что разговаривать не хочет.

– Чего ты жмёшься, как девочка? – начал злиться я. – Не моё дело – так и скажи, я отстану.

– Правда, – буркнул Тао.

– Что ты должен? – продолжил насесть я. – Деньги?

– Какие тут деньги? – проворчал Тао, покачивая рукой черенок лопаты. – Лекарство. Здесь всё завязано на лекарство.

– Много должен? – спросил я, впитав новую информацию.

Любопытно. Если таблетки здесь выполняют роль денег, значит, кто-то глотает их сверх меры. Кто – это даже не вопрос. Во главе пищевой цепочки стоят борцы, больше никому. Вопрос – зачем. Никакого «кайфа», насколько я понял, с таблеток не бывает. Они всего лишь обезболивающие, а по совместительству ещё успокоительные и противозачаточные. Странно.

– Вчера надо было одну таблетку отдать, – как-то скользко ответил Тао. – Я пропустил. В консерватории был.

– Что-то не складывается, уж прости. – Я убрал оголённую чурку и положил на её место другую. – Вчера ты был уже без перчаток.

Тао промолчал. Я хотел было опять на него прикрикнуть, но, посмотрев на лицо, осекся. Тао, как кролик на удава, уставился на кого-то за моей спиной.

Шен? Я, не оборачиваясь, заскоблил лопатой по дереву, сдирая мягкую кору. Но крика слышно не было, и Тао не спешил делать вид, будто трудится изо всех сил. Так и стоял, застыв.

Только когда мимо меня прошёл один из борцов в роскошном шёлковом ифу красного цвета, я отложил лопату и выпрямился.

У борца были длинные волосы, которые он заплёл в косички. Кончики их касались плеч. Борец остановился напротив Тао, который безмолвно повернулся к нему, наклонив голову.

– Здравствуй, Тао, – сказал борец. – Рад меня видеть?

– Здравствуй, Джиан, – пробормотал Тао. – Конечно, рад. Очень рад!

Я стоял молча, переводя взгляд с одного на другого. Джиан вошёл сюда, как к себе домой. И где, спрашивается, Шен, с его трогательной заботой о том, чтобы каждый человек в Китае был счастливым обладателем собственного склада деревянных палочек?

Шена не было даже близко, и я заметил, что все ребята

оставили работу и тоже молча смотрят на эту пару. Вряд ли сопереживают, конечно. Скорее пользуются случаем передохнуть. Кстати, а это – хорошая мысль.

Я тихонько положил лопату и достал из-за пазухи свёрток, который вручила мне Ниу. Бумага громко зашелестела в наступившей тишине, и Джиан повернул голову ко мне. Я не обратил на него внимания. Заглянул в свёрток. Там лежали лепёшки. Румяные, аппетитные. Слюна заполнила рот. Я поспешил откусить кусок побольше, от всех лепёшек разом.

Рисовые. Кажется, никогда ничего вкуснее не ел. Спасибо тебе, господи, за маленькие радости.

Джиан медленно отвёл от меня взгляд и снова посмотрел на Тао.

– Я думал, ты вчера зайдёшь, – сказал он. – Ждал, ждал...

– Я в консерватории был, – промямлил Тао.

– Да, я догадался, – вздохнул Джиан. – Какая печаль. Но ты ведь припас для меня гостинец, правда? После консерватории всем дают маленький гостинчик. Отдай его Джиану.

Он протянул ладонь, на которую Тао нечего было положить. Джиан ждал. Тао, казалось, уменьшался в размерах, съеживался перед борцом.

Пауза затягивалась. Я не заметил, как проглотил все лепёшки. Смял бумагу, бросил её под ноги, в кучу ободранной коры. В этот момент ладонь Джиана начала медленно сжиматься в кулак.

Я наклонился, поднял лопату.

– Джиан, да? – окликнул я борца, а когда он повернулся ко мне, спросил: – Это ты у Тао перчатки забрал?

Глава 5. Долги

Я держал лопату так, чтобы в случае чего можно было ударить быстро и наверняка. Не за конец черенка, нет. Если оружие слишком длинное, от удара легко увернуться и сократить дистанцию. А на коротком расстоянии от длинного оружия больше вреда, чем пользы. Я держал у самого основания, но в боевую стойку не становился. Кто не дурак – намёк поймёт. И поймёт, что это – именно намёк. Тонкий.

Джиан неспешно смерил меня взглядом. Улыбнулся:

– Новенький. Помню тебя. Ты вчера подходил к нам в столовой.

Борцы приняли лекарство первыми и ушли, иначе бы Джиан сказал: «Ты вчера отказался принимать таблетку и получил шокером в спину».

– Меня зовут Лей, – представился я. – Зачем ты забрал перчатки? Ему больно, и он не может без лекарства. Отдай перчатки – получишь долг.

Счастливые дети, знающие отморозков только по фильмам, думают, что надо быть либо сильнее их, либо заискивать перед ними, иного обращения они не понимают. В действительности всё немного иначе. Дрессировщик не сильнее льва. И водитель грузовика вряд ли сможет победить своего верного друга в перетягивании каната.

Джиан медленно двинулся ко мне, улыбаясь. Я чуть при-

поднял лопату, отвёл руку назад. Джиан остановился. На лопату он бросил лишь быстрый взгляд, после чего опять устоялся мне в верх груди. Н-да, кое-чему их тут и правда учат. Не только мышцы качать.

– Видишь ли, Лей, – мягким голосом заговорил Джиан, – мой дорогой друг Тао не платил мне, когда у него были перчатки. Я подумал, что, может быть, он заплатит, когда у него их не будет.

Джиан виновато развёл руками и сделал маленький шаг вперёд. Я, будто не заметив этого, повернул голову и нашёл взглядом виновника торжества.

– Тао, – позвал я. – Как скоро ты вернёшь долг, если он отдаст тебе перчатки?

Тао тараторил на меня глаза. По его переносице скатилась маленькая капелька пота. Подумав, он выдавил:

– До конца года.

– Даёшь слово?

– Да. Я даю слово, – закивал Тао.

Я перевёл взгляд на Джиана.

– Слышишь? Он обещает.

Джиан фыркнул:

– Что стоят его обещания?

– А что смысла, если его каждый вечер будут кидать в консерваторию, потому что он не может нормально работать? Он не сумеет оставлять тебе лекарство. Вчера ты мог получить таблетку, но вместо этого её не получил никто. В чём

выгода? – Я развёл руками и бросил на пол лопату.

Слово «выгода» не было для Джиана пустым звуком. Он явно задумался. Но задумчивость не помешала ему идти ко мне, я ведь остался безоружным. Я быстро поднёс правую руку к левому рукаву, не сводя взгляда с Джиана. Он остановился вновь. Ему бы не хватило скорости повалить меня, если бы у меня в рукаве оказался, скажем, нож. Не знаю, как насчёт других борцов, но Джиан соображал, что такое настоящая битва. И, кажется, даже понимал, что лучшая битва – та, которой не было.

Лев рычал и бил хвостом.

Поковырявшись в подвёрнутом рукаве куртки, я достал оттуда таблетку и, сжав её между большим и указательным пальцами, показал борцу.

– За вчерашнее, – сказал я. – Вечером Тао отдаст ещё одну. Так, Тао?

Тао едва заметно скривился, но кивнул.

– Вслух скажи, – потребовал я.

– Да, – буркнул Тао. – Вечером принесу ещё.

Джиан смотрел на таблетку, на меня. Он думал. Лев переводил взгляд с куска мяса на дрессировщика. Кусок мяса – вот он, вкусно пахнет. А дрессировщик бегают, бьёт кнутом, орёт. Да может, и не вкусный вовсе.

Джиан растянул губы в улыбке и протянул руку раскрытой ладонью вверх. Опасный момент.

Я приблизился, положил таблетку на ладонь. Она немед-

ленно сжалась в кулак. Я больше на неё не смотрел, уставился в грудь Джиана.

Борец медленно засунул таблетку в жёлтый пояс. А потом подчёркнуто медленно похлопал меня по плечу.

– Вот видишь, Тао? – Джиан повернулся, приобняв меня, как старого приятеля. – Лей новенький, а уже понимает, как правильно жить в Цюане. Учись у него. В юном теле живёт мудрый дух.

Джиан стукнул меня кулаком по плечу.

Лев сожрал мясо.

По небогатой мимике Тао я прекрасно видел, что его буквально выворачивает от того, как Джиан распределил роли. Это я новенький, я должен учиться у него, у Тао. Он хотел быть авторитетом в моих глазах, но упал лицом в грязь. Что ж, тоже полезный опыт, если, конечно, Тао захочет извлечь из него урок.

Ещё раз хлопнув меня по плечу, Джиан двинулся к выходу из цеха. Я повернулся:

– А перчатки?

– А, да, – остановился Джиан. – Чуть не забыл. Держи, Тао. Не теряй больше, в другой раз может найти какой-нибудь бесчестный человек и не отдаст.

Он вытащил из-за пояса скомканные грязные перчатки и бросил в сторону Тао. Тот попытался поймать, но рано взмахнул руками – перчаточный комок упал в стружку. Тао пришлось наклоняться. Джиан, посмеиваясь, ушёл.

Я поднял лопату и – вовремя.

– Что застыли? – гроыхнул Шен, образовавшись, будто по мановению волшебной палочки. – Работа-работа-работа! – Он захлопал в ладоши.

Тао торопливо натянул перчатки, схватил лопату. Мы с ним лишь раз встретились взглядами, наклонившись над осточертевшими берёзовыми чурками. Я сосредоточился на работе, а он – на своих переживаниях. Рабочий день продолжался.

* * *

Судя по внутреннему ощущению времени, работали мы часа четыре, может, пять. Потом зазвенел звонок. Я сразу же бросил лопату, хотя с чурки оставалось счистить буквально пару квадратных сантиметров коры. Если перевыполнение плана не даёт никаких бонусов – чего ради стараться? Становиться величайшим мастером-корочистом я уж точно не собираюсь.

Как и вчера, все повалили к выходу. Тао дулся, я не делал попыток с ним «помириться». Не ребёнок, разберётся, что к чему. То же, кстати, и меня касается. Я схватывал всё на лету, и ничья помощь мне не требовалась.

Вышли во двор, остановились, как вчера вечером. Сегодня я заметил, что девчонки идут с разных сторон. Одни – тоже из цеха, но из какой-то другой двери, а другие – из кры-

ла напротив. Среди них я заметил и Ниу. Она махнула мне рукой, я кивнул.

Она мне помогла, я принял помощь. Значит, теперь за мной должок. Подумаю, как его вернуть. Долги нужно возвращать, причём, той же монетой, которой брал. Иначе от тебя потребуют чего-то другого, и ты не почувствуешь себя вправе отказать.

От Тао потребовали унижений, и он унизился. Я же прекрасно видел, чего может от меня «потребовать» Ниу, и от всего сердца этого не хотел. А почему? Вот этого я не знал. Но никакого желания приближать к себе кого бы то ни было не испытывал.

Появился воспитатель с шокером. Они вообще тут сменяются хоть иногда? Или этот такой трудоголик, что ему день без шокера – как обед без еды?

Через приоткрывшиеся ворота – я не успел заметить, что там, за ними, – вошли уставшие парни в ифу разного цвета. Вчера я их не заметил. Либо они пришли раньше, чем мы закончили, либо я был слишком невнимателен. Наверняка это те, кто занимаются распилом.

Убедившись, что все собрались, воспитатель что-то сказал и махнул рукой, после чего зашагал в сторону столовой. Мы потянулись следом, пропустив вперёд борцов. Ниу не сумела ко мне протолкаться, я тоже этому не способствовал.

В столовой больше не тупил, прошёл к столу и уселся на то же место, на котором сидел вчера. Слева плюхнулся Пенг,

справа внезапно сел Тао. Я покосился назад и увидел, как Ниу, недовольно поджав губы, прошла мимо.

Передо мной стояла миска с супом. Взяв палочки, я стал торопливо вылавливать кусочки овощей. Мяса опять не было. Да уж, на такой пище можно разве что не сдохнуть. И, скорее всего, слова Тао о том, что борцы могут взять любую девушку, больше относятся не к заведённым порядкам, а к физическим возможностям. Возраст возрастом, но после дня работы на износ и такой вот еды в постель хочется поваляться в гордом одиночестве. А может, я так думаю просто потому, что предыдущую ночь не спал. Остальные, вон, ничего, сидят, болтают, пересмеиваются.

– Спасибо, – послышалось справа.

– Я не повар, – усмехнулся я в ответ. – На кухне спасибо скажешь.

Рядом с миской лежала лепёшка. Точно такие же передала мне Ниу утром. Утаила с завтрака? Вряд ли, лепёшек-то было – три штуки. Скорее всего, Ниу имеет отношение к кухне. Наверняка там работают такие же «ученики», как везде. Не держать же повара на зарплате. Раз существует такое место, значит, экономят на всём.

– Ты ведь понимаешь, о чём я, – пробурчал Тао.

Я откусил от лепёшки, прожевал кусок.

– Эту таблетку можешь мне не отдавать, – сказал я и почувствовал, как Тао вздрогнул; ему и в голову не приходило, что я могу потребовать возмещения. Ребёнок, как есть –

ребёнок.

– С-спасибо, – повторил он.

– Расплатись с Джианом.

– Угу.

– Без «угу». Расплатись. И не играй больше. Ты ведь не игроком хочешь стать, а борцом. Знаешь, что для этого нужно?

Тао вопросительно молчал. Я выловил из супа последние нитки лапши и кукурузные зёрна. Отложив палочки, взял миску в обе руки.

– Тренироваться, – сказал я и начал осторожно пить через край бульон, стараясь, чтобы ни капли не упало мимо. Самое глупое, что можно сделать в подобном месте – пренебречь едой. Каждая калория на счету, если хочешь выбраться живым.

А я выберусь. Вспомню, кого пообещал убить, и доведу это дело до конца. Не похоже, что в моей жизни есть что-то важнее.

– Тао очень много тренируется, – влез в разговор Пенг. – Ты думаешь, у него от лопаты мозоли? Не-е-ет!

– Пенг, закрой рот! – вскинулся Тао.

– Да ты погоди до отбоя, – продолжал невозмутимый Пенг. – Сам увидишь, как он старается. Иногда – прямо до самого утра. Потому от него все девчонки разбегаются, боятся такой силы, чувствуют дух настоящего...

Издав дикий вопль, Тао вскочил, схватил свою наполови-

ну пустую миску, поднял. Я, мысленно ругнувшись, отклонился назад. Инстинкты не подвели: над головой пролетела волна супа. Ни в кого не попала, растеклась по полу. Островок из слипшейся лапши замер на месте, по суповой волне, словно кораблики, проплыли кусочки зелени – и остановились.

– Тао! – окрикнул кто-то из воспитателей. – Ты наелся? Надо было просто сказать.

Тао замер, держа в руках опустевшую миску. Голова поникла, плечи опустились. Он смотрел в миску, словно спрашивая у неё: «Как же так?».

Ученики негромко засмеялись. Я огляделся. Похоже, никто Тао не сочувствовал, все потешались. Только ребята в белых ифу отчего-то смотрели на него злобно.

Пенг, на которого вспышка Тао не произвела ни малейшего впечатления, наклонился ко мне и доверительно сообщил: – Всегда расплёскивает на пол. Всегда. Если понимаешь, о чём я.

Пенг подмигнул. Это подмигивание выглядело похабнее пьяной голой шлюхи с окурком в зубах.

Я молча допил бульон и поставил миску на стол. Придурок этот Тао. Лучше бы мне отдал то, что вылил. Я бы, во всяком случае, постарался сделать хоть что-то хорошее для человека, который мне помог.

Глава 6. Прогулка

– Прогулка! – объявил воспитатель с шокером, когда все мы вышли во двор.

Я думал, что после обеда тоже будут давать таблетки, но обошлось. Значит, только две в день, утром и вечером.

Сзади послышался шум. Я обернулся. Тао сцепился с парнем в белом ифу. За спиной этого парня стояли другие, за спиной Тао – никого. Я мысленно вздохнул. Ну и что, мне опять впрягаться за этого идиота? С «белыми»-то он чего не поделил?

К счастью, вмешались воспитатели. Они безмолвно присутствовали с нами, я их почти не замечал, но когда надо (или не надо?) они вдруг появлялись. Тао с его соперником растащили, обоим вынесли по предупреждению. Оба, не обращая внимания на воспитателей, плевались и изрыгали ругательства, обещая друг другу страшную смерть в диких мучениях. Парень в белом, похоже, недалеко ушёл от Тао по «пути духа».

– Бесится, – прокомментировал Пенг, опять оказавшийся рядом со мной. – Этот месяц тигры на уборке, им вечером отмывать столовую за нашим дорогим Тао.

– Тигры? – переспросил я.

– Угу. Белые тигры, – кивнул Пенг.

– А мы, значит, Чёрные черепахи, – сказал я, записывая в

голову новые строки информации.

– Схватываешь на лету, – похвалил Пенг. – Чёрные черепахи – круче всех. Последний раз мы становились на уборку... – Он поднял взгляд к небу и цокнул языком. – Полгода назад, да. Тиграм не везёт чаще других.

– А как распределяют дежурства? – спросил я.

– Дежурства? – Пенг задумчиво посмотрел на меня, будто услышав незнакомое слово. – А... Все предупреждения и залёты в консерваторию подсчитываются. У кого под конец месяца больше косяков – тот и становится на уборку. Если Тао дальше продолжит в том же духе, и на уборку поставят нас, придётся устроить ему тёмную. Надо же как-то учить дурака, я прав?

– Прав, – кивнул я. – А стоять за черепах, когда на них наезжают тигры – не надо?

Пенг криво усмехнулся и отошёл. Я проводил его взглядом. Вот он остановился, заговорил с кем-то из черепах, оглянулся на меня. Похоже, как бы я ни старался не высовываться, получается так себе. Ждать ли проблем отсюда? Пока не понять. Ладно, буду решать вопросы по мере их возникновения.

Тао и «белый» успокоились, разошлись в разные стороны. Началась прогулка. Места во внутреннем дворе было достаточно, однако всё было на виду, ни о каком уединении даже речи не шло. Многие просто повалились на песок и отдыхали, другие – бродили. Двое парней, усевшись, чертили что-

то пальцами на песке. Играли в нечто роде «крестиков-ноликов».

Все сбились в группки по интересам. Группки эти не были одноцветными, черепахи спокойно общались с тиграми и другими зверями, которых я пока не знал. Те же борцы носили ифу разных цветов. Они не якшались с остальными учениками, стояли особняком, сложив руки на груди, посматривали. Я поймал несколько взглядов на себе. Что-то обо мне сказал Джиян? Или же слухи о вчерашнем инциденте в столовой, наконец, дошли до борцов?

– Лей! – подскочила ко мне Ниу. – Тебе понравился суп?

Я повернулся к ней, заглянул в сияющие глаза.

– Да, очень вкусно, – кивнул я. – И спасибо за лепёшки.

Буду должен.

Она улыбнулась и взяла меня за локоть.

– Нет-нет, ты ничего мне не должен. Скажи, ты уже что-нибудь вспомнил? Расскажи о себе!

Я хмыкнул, вспомнив голос и иглу, вонзающуюся в вену. И всё это ещё каким-то образом связано со светящимся кругом на полу... На каком-то полу. А ещё я, оказывается, умею убивать. И это понимание не пугает. Оно такое же обыденное, как умение есть палочками.

– Подробности помню, – отговорился я какой-то смутно знакомой фразой. – А самое главное – забыл.

Ниу звонко рассмеялась. Я вздохнул. Если девушка смеётся над моей шуткой, которой даже я не понимаю, значит,

так просто от неё не отделаешься.

– Хочешь, я расскажу о себе? – Ниу тащила меня за собой, я покорно шёл. Мы, кажется, стремились к тому, чтобы наматывать круги по двору, по самому его краю. Остальные старались собраться ближе к центру. Видимо, это было максимальное уединение, которое могла выдумать для нас Ниу.

– Давай, – пожал я плечами.

– Я работаю в кухне! – Ниу отбросила прядь волос с лица, как она делала постоянно.

– Неужели? – «удивился» я.

– Да! Самое лучшее место здесь. Можно есть, сколько влезет. Но я стараюсь не есть много, – тут же спохватилась она.

– Тяжело? – осведомился я. – В смысле, работать, а не стараться не есть.

Опять засмеялась. Да что ты с ней будешь делать...

– Нелегко, но терпимо, – сказала Ниу. – Я сейчас больше слежу за другими. Куан и Мейлин мне доверяют и даже оставляют одну.

Куан и Мейлин – кто-то из администрации, кто отвечает за кухню, – сделал я ещё одну пометку в памяти. Чем скорее проникнусь всеми местными тонкостями – тем лучше. Пока собираешь информацию, трудно что-то планировать. Планы составляются тогда, когда есть возможность посмотреть карту местности и провести на ней линию, ведущую к цели.

Краем глаза я заметил, что ворота открываются. Повернулся. Увидел борцов, идущих на выход в сопровождении

пары воспитателей. Их учителя – кажется, Тао назвал его Вейжем, – с ними не было.

– Куда они? – спросил я.

– В город, – ответил, опередив Ниу, подошедший справа Тао.

За воротами, перегораживая обзор, стоял жёлтый автобус. Борцы один за другим погрузились внутрь, последними зашли воспитатели.

– А зачем? – спросил я.

– Как «зачем»? – подпрыгнул Тао. – Клан Чжоу владеет клубами, кафе... Да чем только не владеет! Борцам можно раз в неделю посещать любое заведение. Ну почти любое...

Да уж надо полагать, что в фешенебельные рестораны ребят не приглашают.

– А платят чем? Таблетками?

Ниу снова засмеялась, а Тао посмотрел на меня так, будто я стоял и бесстыдно глумился над его религией.

– Они не платят, – пояснила Ниу. – Клан поощряет борцов, чтобы они знали, к чему стремиться.

– К чему же? – пробормотал я, глядя на закрывающиеся ворота.

Ответом я не особо интересовался. Мысли крутились вокруг автобуса. Автобуса, который раз в неделю ездит в город. Просочиться в салон вместе с борцами и надеяться, что они не заметят? Маловероятно. Стать борцом и поехать с ними, а там – сбежать? Ещё менее вероятно. Кабина води-

теля? Крыша? Н-нет... Но сбрасывать автобус со счетов пока рановато. Слишком уж хорошая возможность, не верю, чтобы нельзя было её использовать. Если подумать, то водитель ведь – человек. А любой человек, когда ему приставляют нож к глотке, предпочтёт сделать, что попросят, чем героически исполнить свой гражданский долг. Раздобыть бы ещё этот нож. Ниу работает на кухне...

– Трое борцов, занявших призовые места на турнире, получают свободу и станут бойцами клана, – сказала Ниу. – Такая возможность даже для свободного человека – большая удача!

– Эх, скорей бы перепрофиль, – вздохнул Тао, когда ворота закрылись. – Пройду испытание, стану борцом...

Ниу опять расхохоталась, на этот раз – как-то злобно.

– Ты? Борцом?! – воскликнула она, заходясь от смеха.

– Да, я! – с вызовом ответил Тао. – Потому что у меня дух борца, и я...

– Не смей меня, – перебила Ниу; она так быстро успокоилась, что стало ясно – смех был наигранным. – Какой из тебя борец, Тао? Шёл бы лучше в кухню!

– Я не буду выполнять женскую работу, – дёрнулся Тао.

– Ну и глупо, – фыркнула Ниу. – Если хочешь знать, в мире полным-полно прекрасных поваров мужчин.

– Готов спорить, ни один из них даже близко не знает, что такое дух борца!

Ниу закатила глаза и потащила меня в сторону от Тао.

Бредовая мысль, но, кажется, она ревновала меня к Тао. Тот крал у неё моё внимание, а значит, автоматически переходил в разряд врагов.

– Лей, а ты хочешь пойти работать в кухню? – спросила Ниу, когда мы остались «одни».

– Не думал об этом, – честно признался я.

– Подумай. Лучше места здесь ты не найдёшь, точно. В кухне можно...

– Да-да, помню: есть, сколько влезет. Но ты стараешься не есть, – улыбнулся я.

Ниу, смутившись, отбросила назад чёлку.

– Постричься не думаешь? – не выдержал я.

– Здесь постричься можно только так, – улыбнулась Ниу и потрепала меня по обритой макушке. – А я так не хочу.

* * *

К концу рабочего дня я уже еле волочил ноги. Ниу, похоже, действительно в кухне не упакивалась, скакала рядом, что-то щебеча. Я только кивал и мычал что-то невразумительное, не пытаясь вслушиваться. Хотелось упасть хотя бы в этот вот песок и спать, спа-а-а-ать!

Ужин проглотить я себя буквально заставил. Безропотно положил в рот таблетку, выпил стаканчик воды и позволил въедливому санитару с фонариком убедиться, что всё сделал правильно.

На молитве я чуть было не уснул. Держался только на силе воли. Слов молитвы не разбирал, шевелил губами беззвучно и кланялся вместе с остальными. Не понял даже, кому мы молились и о чём. Судя по всему, этот парень молитв либо не слышал, либо все, как один, просили у него долгой и унылой жизни в школе Цюань.

Наконец нас развели по комнатам. Я впервые увидел место, которое должно было стать мне чем-то вроде дома. От тюремной камеры оно мало отличалось. Зарешёченное окно, стены, покрытые надписями, которые я не стал читать, отложил на потом, две койки, привинченные к полу, две тумбочки и, собственно, всё.

Я рухнул на койку, как подкошенный. Тао на свою сел, вынул изо рта таблетку и посмотрел на неё так, будто держал в руке драгоценный камень.

– Не думай, – сказал я. – Просто сделай.

Вздохнув, Тао вышел из комнаты.

Я тоже достал таблетку, как только дверь за Тао закрылась. Долго думать не было сил, поэтому я просто ощупал шов матраса со стороны стены и, найдя слабое место, пальцем проковырял небольшую дырочку. Спрятал туда таблетку, закрыл глаза и уснул моментально.

* * *

– Лей, подожди, давай вызовем подкрепление.

Я вижу её лишь краем глаза. Блондинка в знакомой форме – я сам ношу такую же, – в руках пистолет. Такой же, как у меня.

Я молча иду к дому.

– Лей! – громко, яростно шепчет она.

Темнота. Грохочут выстрелы. Парень лет двадцати пяти лежит на полу, прижимая к груди автомат. Из-под тела растекается кровь.

Темнота. Снова выстрелы. Я куда-то бегу. Стены, двери, ступеньки. Человеческий силуэт в дверном проёме. Я что-то выкрикиваю, кажется, имя. Он поворачивается, я вот-вот увижу его лицо.

– Ни с места! – кричит блондинка. – Руки!

Человек смотрит на меня, но вместо лица – белое пятно. Оно светится ярче и ярче, свет слепит, он заполняет весь мир.

Я дёрнулся и открыл глаза в темноте.

Несколько секунд не мог сообразить, где нахожусь. Пальцы судорожно вцепились в простынь, я был весь насквозь мокрым от пота, сердце бешено колотилось.

Цюань. Школа. Лей. Да, вспомнил.

Была глубокая ночь, луна в окно не заглядывала. Тао спал, я слышал его шумное дыхание, перемежающееся стонами. Страдал без своей таблетки, бедолага. Хорошо хоть уснул.

Мне тоже нужно спать. Утром понадобится свежая голова. Утром я продолжу изучать этот убогий притон, я запомню

ещё много нового и...

Если бы у меня на голове были волосы, они бы поднялись дыбом. Я вдруг понял, что пялюсь не просто в темноту. Рядом с моей койкой стоял человек. Я видел лишь неподвижный силуэт и мог с уверенностью сказать, что это – не Тао. Тао спит. Я слышу его дыхание с правильной стороны.

Силуэт шевельнулся. Сон и явь сплелись воедино. Лицо. Я не могу увидеть его лица...

Глава 7. Кухня и танцы

О том, кто этот человек, я не думал. Думал лишь о том, заметил ли он, что я проснулся. О том, есть ли у него в руках оружие, и если да, то какое.

Темно. Кто бы это ни был, видит он не больше моего. Существуют, конечно, приборы ночного видения. Но если бы он мог меня нормально разглядеть, то не стоял бы молча. Сказал или сделал бы что-нибудь.

Все эти мысли пронеслись в голове за мгновение, они даже мыслями-то не были. Так, цепочка алгоритмов, вбитая на уровне инстинктов. Кинусь в открытую – рискую словить пулю, или напороться на нож.

Быстро и тихо поджав правую ногу, я оттолкнулся ею от постели, бросил тело влево. Уже упав на пол, подумал, что если ночной визитёр из чернокнижников, то мой манёвр вряд ли мне поможет.

Однако я был жив, а силуэт приглушенно вскрикнул, как будто удивился. Прыгнув на него, я уже был спокоен. Кто бы ни был – это дилетант. Даже если это чернокнижник, я успею сломать ему шею прежде, чем он...

– Лей, это я!

Я сбил визитёра с ног, прижал к полу, перевернул лицом вниз. Нашёл обе руки, свёл их вместе за спиной, после чего, держа одной рукой, другой потянулся к поясу.

Туда, где должны, просто обязаны были находиться наручники.

В этот момент реальность разошлась с моими о ней представлениями, и я, будто внезапно протрезвев, вспомнил сдавленный голос.

Твою мать...

– Ниу?

– Я! Что с тобой? Что я тебе сделала? – Она, кажется, готовилась разреветься. Неудивительно.

– Предположим, ничего, – сказал я. Отпустил её руки, слез, помог подняться. – Но это – исключительно плохая идея, тайно проникать ночью в комнату спящего человека, которому ничего не планируешь сделать. Статья сто тридцать девять, до трёх месяцев...

– Чего? – шмыгнула носом Ниу, судя по звукам, потирая запястья.

Я и сам удивился словам, которые внезапно выскочили у меня из памяти. Так же, как перед этим внезапно вспомнилось слово «чернокнижник». Мысленно сопоставил произнесённые слова с недавним сном. Я что, был полицейским? В мои-то четырнадцать-пятнадцать лет, или сколько мне там? Нет, Лей, давай будем реалистами. Ты просто сходишь с ума.

А тело? Тело тоже сходит с ума? То, как я повалил Ниу, как потянулся за наручниками...

– Ничего, – оборвал я собственные мысли. – Зачем пришла?

Тао так и дрых, постанывая во сне. Наши разборки его не потревожили. Я осторожно коснулся лица Ниу, она замерла.

– Не сильно ушиблась?

– Нет, всё хорошо, – как-то сразу изменился её тон.

Я убрал руку, прежде чем она успела её поймать. Поздновато, но всё-таки пришло ко мне вполне логичное предположение, зачем в школе Цюань девочка может ночью прокрасться в спальню к мальчику. Хреново я свидание начал, всю романтику в унитаз смыло. Хотя Ниу, судя по изменившемуся дыханию, готова уже забыть инцидент с «мордой в пол».

– Ты не слишком устал? – спросила она.

Устал я не просто «слишком», я устал смертельно. Однако пара часов сна и вспышка адреналина придали сил.

– Готов к подвигам, – усмехнулся я.

Силуэт Ниу замер, даже дыхание как будто остановилось. Она несколько секунд колебалась, потом взяла меня за руку и дёрнула к двери. Я подчинился. Интересно было, куда всё это выкружит. Однако создалось такое впечатление, будто в вопросе Ниу никакого намёка не было и в помине. Так куда же мы направляемся?..

На улице светила луна, было холодно. Я поёжился. Пока ещё жить можно, однако долго не пробегаешь в такой одежке. Если некуда бежать.

– Ты что-нибудь знаешь о чернокнижниках? – спросил я, когда мы вышли из комнаты и двинулись по галерее в обход

двора.

– Тс! – Ниу кошкой метнулась ко мне и прижала пальчик к губам. Мотнула головой на двери, и, как будто что-то мне этим объяснила, потащила дальше молча.

Я окинул взглядом двери, мимо которых мы шли. Как это понимать? Там, за дверьми, притаились боевые чернокнижники? Или, что вероятнее, там – комнаты борцов, и мы совсем не хотим привлечь их внимание к нашим персонам.

– О чём ты спрашивал? – в полный голос заговорила Ниу, когда мы оказались в столовой, залитой лунным светом через высокие зарешёченные окна.

– О чернокнижниках. – Я тоже перестал таиться. – Слышала?

– Нет, – покачала головой Ниу. – Что за странное слово вообще? Они делают чёрные книжки?

Я задумался. Слово и впрямь прозвучало по-дурацки. Когда оно крутилось в голове несколько минут назад, то казалось совсем другим, наполненным смыслом.

– Да, наверное, – вздохнул я. Надеялся получить хоть какое-то разъяснение от Ниу, но только ещё больше запутался.

Мы прошли всю столовую, Ниу брякнула ключами, открывая неприметную дверку.

– Мейлин доверила мне ключи от кухни, – пояснила она.

– Ого, – сказал я.

От меня требовалось восхититься, я сделал всё, что мог. На самом же деле мне было скорее противно. Как можно

жить в этом гадюшнике и ещё чем-то гордиться? Какими-то достижениями. Ключи доверили...

Ниу открыла дверь, шагнула в темноту и щёлкнула выключателем. Загудели, заморгали люминесцентные лампы.

Деревянные столы, покрытые пятнами, которые уже никогда не отмоются, длинная плита с двумя рядами конфорок, холодильные камеры. Вытяжки нет и в помине. Когда готовят, здесь, наверное, стоит такая духота, что в глазах темнеет.

– Прежде всего нужно тщательно промыть рис, – сказала Ниу, уверенно шагая по кухне. – Иначе он будет слипаться. Для борцов и воспитателей готовят отдельно. Новичка сразу не поставят готовить для борцов и воспитателей, но нужно сразу показать, что умеешь правильно.

– Угу...

Я прошёл между двумя столами, заметил несколько шкафчиков, запертых на навесные замки. Должно быть, там хранились ножи и прочая опасная утварь. Интересно, у Ниу есть ключи и от этого добра?

– Лей? – окликнула Ниу. – Ты не смотришь.

– Смотрю, смотрю...

Я и вправду смотрел. Только не на то, как она промывает рис в большом сите. Окна в кухне были, плотно завешенные шторами, так, чтобы снаружи не видели света. Ниу подготавливалась к этой ночи.

Была ещё одна дверь. Я постоял возле неё, вызывая в па-

мяти внутренний двор. Должно быть, это «чёрный ход», для работающих здесь учеников. А через ту дверь, которой мы только что воспользовались, выносят миски с едой в столовую и потом уносят обратно.

Итак, оружие под замком, выхода на улицу – нет. Пожалуй, я узнал всё, что мне было нужно о кухне. Самое время задаться вопросом, какого чёрта я тут делаю.

– Лучше, если замочить рис с вечера, – сказала Ниу, пересыпая рис в кастрюльку. – Но на испытании даётся только час, поэтому – вот так. Запомни, мой секрет: добавляй в сырой рис чуточку уксуса. – Она показала мне бутылочку и плеснула из неё в кастрюльку. – Потом – воду. Полторы части на одну – риса.

– Что ты делаешь? – спросил я.

В том, что всё это – не хитроумная прелюдия, я уже не сомневался. Вряд ли у Ниу такие извращённые представления о предварительных ласках с использованием еды. Понятно, что клубники и взбитых сливок тут, скорее всего, не достанешь, но варка риса – это уже совсем не в ту степь, даже для китаянки.

– Варю рис, – повернулась ко мне Ниу. – И тебя учу.

– Ты вытащила меня посреди ночи из комнаты, чтобы научить варить рис?

Ниу улыбнулась, наполняя кастрюльку водой.

– А ты что подумал? У тебя были какие-то грязные мысли, да?

Я вспомнил, как она поторопилась выскочить из комнаты после того, как я сказал, что готов к подвигам. И сейчас её улыбка выглядит напряжённо. Выводы? Выводы очень простые: девочка ищет отношений, романтики, а не развлечения на ночь. Что ж, порадовать нечем. Я тут надолго задерживаться не планирую, так что и цепляться за кого-либо смысла нет.

– Поверь, лучше тебе не знать о моих мыслях, – вздохнул я.

Ниу метнула на меня быстрый взгляд, но я стоял неподвижно и на почтительном расстоянии, так что она успокоилась.

– Вот, – сказала она, закрыв кастрюльку крышкой. – Там надо будет готовить в большой кастрюле, но если я сейчас сварю большую кастрюлю, то утром это будет странно выглядеть, мы же не съедим всё.

– Понятно, – сказал я, глядя, как Ниу включает плиту. – Ты хочешь, чтобы я пошёл работать в кухню.

– Ну конечно! – воскликнула она. – Это ведь самое лучшее место в школе. После лечебницы, конечно.

– Угу, – только и сказал я.

Жалко её было. И ведь взял же, взял тот свёрток с лепёшками. А она, будто почувствовав, что можно, решила завалить меня всеми благами. Вот это я и имел в виду, когда говорил, что долги нужно отдавать, и чем скорее, тем лучше. Потому что иначе рискуешь всю жизнь выплачивать процен-

ты. Либо – стать для того, кому должен, негодяем.

* * *

– За что ты здесь?

Ниу только закончила объяснять, как это важно – налить нужное количество воды, потому что поднимать крышку в процессе готовки – ни в коем случае нельзя. Я слушал вполуха, рассеянно кивая. Готовка меня не интересовала. Наблюдение за действиями Ниу не потянуло ни за одну из ниточек памяти. Похоже, в прошлой жизни я шеф-поваром не был.

Даже наверняка не был. Я был полицейским, что бы ни означало это бредовое допущение.

– За танцы, – с улыбкой ответила Ниу.

Она, оставив плиту в покое, выпрямилась и отбросила чёлку со лба.

– Танцы? – переспросил я. – В смысле приватные?

– Лей! – возмутилась Ниу, хотя глаза её смеялись. – Я так и знала, что у тебя какие-то мерзкие мысли.

– Извини, – усмехнулся я. – Просто пытаюсь понять, как можно получить срок за танцы.

Ниу загадочно прищурилась и медленно вскинула руки над головой. Сделала крохотный шаг вперёд, изящно прогнулась в пояснице. Господи, она что...

Да, она танцевала. В пустой душной кухне, под шипение конфорки и бульканье закипающей воды, для одного лишь

зрителя – для меня. Чёрное кимоно переливалось на ней, отражая свет ламп, как будто сотканное из звёздной ночи.

– Я занималась танцами с детства, сколько себя помню, – звучал спокойный, уверенный голос Ниу. Чувствовалось, что она особо не задумывается над тем, что делает её тело. Успевает и со мной говорить, и за рисом приглядывать. – Потом, когда мне было двенадцать, папа умер, и мы больше не смогли платить за занятия. Да и толку не было. Всем уже стало ясно, что настоящей танцовщицы из меня не выйдет.

– Почему?

На мой вкус, танцевала она изумительно. Приковывала взгляд, словно гипнотизировала каждым движением.

– Потому, – увернулась она от ответа. – А скоро пришлось зарабатывать деньги...

Ниу говорила, а я не слышал слов, я видел, как она, совсем в другой одежде танцует на улице, собирая толпы охочих до экзотики туристов с фотоаппаратами и даже местных жителей. А пока они, разинув рты, таращатся на неё, двое расторопных пацанов чистят карманы, забирая оттуда всё лишнее и ничего не прося за свои услуги.

А в миску, стоящую у ног танцовщицы, сыпалась мелочь, летели и купюры.

Они меняли места, но долго такой аттракцион не мог продолжаться, и однажды случилось то, что должно было. Матери Ниу предложили заплатить штраф за преступление дочери и возместить сумму по всем поданным заявлениям.

Несчастливая женщина, разумеется, не могла потянуть даже штраф.

— А ты? — спросила Ниу, незаметно приближаясь ко мне. — Память не вернулась?

— Нет, — покачал я головой. — Так, обрывки.

Обрубки

— *Шужуань*, — произносит пожилой китаец, глядя на меня тусклыми глазами человека, который уже ни на что не надеется. — Там всё началось.

— Что ещё за «шужуань»?

— Белая гора. Там всё началось.

Я потряс головой. Разговор походил на бред. Как, впрочем, и всё остальное, что пыталось выдать себя за мою память.

Оказалось, что Ниу уже рядом со мной. Она замерла на миг, будто колебалась, наклониться ли, рискнуть ли украсить эту ночь поцелуем.

— Слушай, извини, но я не буду работать в кухне. — Я встал со стула, прямо посмотрев в глаза Ниу.

— Что? — растерялась она, окончательно остановив танец. — Но почему?

Она недоумевала. Она не могла представить себе человека, который отказался бы от такого шанса.

— Потому что я не хочу здесь жить, — объяснил я. — Я хочу выйти отсюда. Пока мне показали только один путь.

— Стать борцом? — воскликнула Ниу и всплеснула рука-

ми. – Ты?!

– Если нет другого способа.

Ниу зло рассмеялась:

– Да какой из тебя борец, Лей! Ты, наверное, шутишь? Тао хотя бы крепче, чем ты. И всё равно – смешно. Не надо делать глупостей! Иди в кухню, здесь тебе будет хорошо.

– Ниу, я не хочу, чтобы мне было хорошо – здесь.

– Ты дурак! – Ниу сжала кулаки, топнула ногой. – Ты вообще хотя бы раз в жизни дрался?

Я молча повернулся и пошёл к той двери, через которую мы вошли. Спорить с разгневанной женщиной – потеря времени и ничего больше. Да и потом, как будто мне нужно ей что-то доказывать.

– Ну и иди! – прилетело мне в спину. – Пусть борец на перепрофилировании убьёт тебя, будешь знать!

Угу. Утонешь – домой не приходи, знаю-знаю. Я прошёл через столовую, оставив Ниу в одиночестве. Интересно, будет она дальше злиться, или заплачет? Я бы поставил на слёзы. Жаль, конечно, да только что поделаешь. Больной зуб лучше сразу выдернуть, чем ждать, пока боль станет адской.

Я снова вышел на холодный воздух, поёжился и заторопился обратно, к себе. Теперь я, пожалуй, расстелю постель, укроюсь одеялом. И буду надеяться, что больше незваные гости в комнате не появятся.

Однако моим планам не суждено было осуществиться. Проходя по галерее, я вдруг почувствовал, что не один. Чув-

ство сначала вспыхнуло, будто лампочка, осветив всё вокруг. Но вот луч сконцентрировался и направился на одно место. Я остановился и повернул туда голову.

В темноте кто-то стоял.

Глава 8. Борцы

– Не спится?

Вряд ли здешних борцов обучали искусствам ниндзя – в том числе умению передвигаться бесшумно. И, будь я не так поглощён желанием вернуться обратно в койку, Джиана, скорее всего, заметил бы раньше.

Сначала Ниу, теперь Джиан. Интересно. Этому-то чего надо? Создаётся впечатление, что спит во всей школе один Тао.

– Не спалось, – поправил я. – Прогулялся, в комнату возвращаюсь. Теперь быстро усну.

Понятно было, что Джиан мне не поверит – но я и не видел смысла изобретать что-то правдоподобное.

– Прогулки по ночам запрещены правилами школы, – сказал Джиан.

– Я новенький, не знал. Спасибо, учту.

– А ты наглый, – с усмешкой заметил Джиан. – Не боишься, что позову воспитателей?

– Нет.

– Почему?

– Потому что думаю, что правила школы едины для всех, и ты тоже не должен гулять по ночам.

Я бил наугад. Чёрт их знает, какие правила школы распространяются на борцов, а какие – нет. В том, что у борцов

тут куча привилегий, я не сомневался. Но насчёт нарушения режима, видимо, угадал.

По крайней мере, Джиан ничего не ответил, только грозно засопел. И никаких попыток позвать воспитателей действительно не сделал.

– У тебя всё? – Я попытался обойти Джиана, заступившего мне дорогу.

– Подожди. – Он взял меня за плечо. – Куда спешишь? Раз уж всё равно не спишь, может, в гости к нам зайдёшь?

– «К нам»? – переспросил я.

Если бы Джиан сказал «ко мне», однозначно решил бы, что это повод напрячься. С Ниу мы хотя бы разного пола. А вот что может понадобиться ночью одному пацану, более взрослому и физически развитому, от другого пацана – вопрос. По крайней мере, для моего разума, привыкшего не ждать хорошего от малознакомых людей.

– К нам, – кивнул Джиан, – к борцам. – Он мотнул головой в сторону дверей, выходящих в коридор.

Корпуса школы Цюань представляли собой прямоугольник – разомкнутый в единственном месте, там, где находились ворота.

В центре прямоугольника – двор для прогулок, по краям, в нижних ярусах – производственные и хозяйственные помещения, столовая, молельня, душевые. Краем уха я слышал слова «тренировочный зал» и «лечебница». А в верхних ярусах находились спальни. Одно крыло занимали парни – те,

которым не повезло стать борцами, другое – девчонки, третье – борцы, а в оставшихся помещениях жили воспитатели и другие взрослые. Школьное начальство, вероятно, в том числе – лично я пока никого из представителей администрации не видел, но не может ведь быть, чтобы их тут не было.

Для того, чтобы попасть из девчачьего корпуса в свой, мне пришлось идти мимо дверей борцов. Я вспомнил, с какими предосторожностями вела меня тут Ниу, и мысленно выругался. Спать, всё-таки, надо больше и чаще. А то совсем мышей ловить перестану – и так уже расслабился дальше некуда.

– Идём, – позвал Джиян. – Не обидим, не бойся.

Что ж, примерно так обычно начинаются самые интересные встречи.

Я мог уйти. Наверное. Вряд ли Джиян стал бы слишком уж настаивать, чтобы остался – какими бы привилегиями ни пользовались борцы, а на дворе всё-таки ночь. Начну орать, разбужу воспитателей – никому мало не покажется. Но мне стало интересно, для чего плюгавый новичок вдруг понадобился борцам, аж спать расхотелось. И страха не было – совсем. Я откуда-то знал, что мне доводилось встречаться с борцами куда серьёзнее здешних. И выходить из этих встреч победителем.

– Идём, – сказал Джияну я.

Надеюсь, мне действительно приготовили что-то менее банальное, чем «отсоси, а то зарежем». Впрочем, при таком

количестве доступных девчонок – вряд ли тут подобное вообще в ходу.

– Сюда, – сказал Джиан. И устремился к самой дальней двери.

По моим прикидкам, она должна была вести в угловую комнату. Так и оказалось – когда Джиан открыл дверь, я увидел четыре окна, по два на каждой из стен, образующих угол.

В комнате горел свет – не белые люминесцентные трубки под потолком, как в нашей с Тао, а красивые светильники, стилизованные под старину. Пол устилал ковёр. Главным украшением комнаты служил стол для маджонга. За столом сидели четыре игрока-борца. Ещё один борец расположился на длинном низком диване, рядом с ним сидела девчонка в белом ифу, другая – в красном – сидела чуть подальше. Вероятно, пара Джиана.

Диванов было два, они стояли углом, вдоль стен с окнами. На низком столике возле дивана я увидел набор для чайной церемонии, однако пахло в комнате не чаем. Пахло едой – не местной, столовской, а той, которую продают в фастфудах в городе. Я увидел на столе яркие картонные коробки – пару запечатанных, пару открытых, с торчащими из них палочками. Невольно сглотнул слюну – снова дико захотелось жрать. А запах алкоголя почудился, ещё когда я шёл сюда вслед за Джианом. Сейчас запах стал отчётливее. Но источник я не определил – по крайней мере, пока.

– У нас гость, – объявил Джиан, войдя вместе со мной в

комнату. – Его зовут Лей.

Я неторопливо, не скрывая интереса, огляделся.

Вряд ли кто-то из борцов живёт в этой комнате. Видимо, это какое-то специальное общее помещение.

– Иди сюда, Лей, – позвал борец, сидящий на диване. Он был одет в сине-зелёное шёлковое ифу, с которым гармонировал зелёный пояс. Волосы на висках выбриты; те, что не выбриты, собраны в хвост. Кажется, я видел этого парня в столовой. А может, не его, а другого в таком же ифу – запоминанием лиц пока не утруждался. – Меня зовут Бохай.

Я подошёл к дивану.

– Пива? – предложил Бохай. И нырнул рукой под стол.

Пивную бутылку, которую он извлёк оттуда, я не опознал – никогда раньше таких не видел, хотя отчего-то был уверен, что опознаю. Тем не менее кивнул:

– Можно.

Бохай взял из стопки на столе картонный стаканчик – такой же, как те, в которых раздавали таблетки, меня едва не передёрнуло, – и налил в него пива. Протянул мне:

– Добро пожаловать в школу Цюань!

Я взял стакан. Спросил:

– А сам? Не пьёшь?

Вместо ответа Бохай сунул под стол бутылку и вытащил из-под стола ещё один картонный стакан – частично наполненный. Постучал его дном по столу:

– Ганьбэй?

– Ганьбэй, – согласился я.

И опрокинул в себя пиво – до дна, как предложил Бохай.

Пиво как пиво, обычное китайское. Слабенькое. Но никакой дряни вроде не намешано.

– Присаживайся, – предложил Бохай, указывая на диван рядом с собой.

Я сел. С другой стороны к столу подсел Джиан, рядом с девчонкой в красном. Слил со стоящих на подносе чашек воду, заново наполнил их кипятком. Небрежно обронил:

– Скучно. Сыграем?

Вот оно что.

Я оглянулся на игроков в маджонг – они азартно переругивались. Заканчивать игру, судя по всему, не собирались.

– Здесь же один стол?

– Верно, – кивнул Бохай, – один, и он занят. Можно в карты, – и у него в руках неизвестно откуда появилась колода.

Что ж, теперь по крайней мере ясно, для чего меня позвали.

Схема проста: главная ценность школы Цюань – таблетки. За воротами школы они, теперь уж несомненно, тоже представляют какую-то ценность. И текут отсюда полноводной рекой – в обмен на вкусную еду, пиво и не знаю, что уж там ещё. Понятно, что на вершине таблеточной пирамиды – борцы. И ясно теперь, как обзавёлся долгами Тао. Точно так же, как меня, пригласили, угостили, а уж вдвоём обыграть в карты третьего – детская забава. Развод настолько простой, что

аж скучно стало, я с трудом подавил желание зевнуть.

А Тао – ох, и дурак! Хотя наверняка не он один, тут небось полшколы таких должников.

– Я бы лучше поел, чем играть, – честно сказал я Бохаю. – Налили – так хоть закусить дайте.

Бохай гоготнул:

– Не вопрос. Можно сыграть на еду. – Придвинул ко мне сразу два запечатанных контейнера: – Моя ставка. Против твоей таблетки. Идёт?

– Нет.

– Почему?

– У меня нет таблетки.

Бохай добродушно развёл руками:

– Ну, завтра принесёшь, мы ж не звери. Завтра тебе таблетки по-любому дадут, целых две. А если выиграешь, то и таблетку отдавать не надо будет, и наешься от пуза.

– Выиграет. Новичкам везёт, – поддакнул Джиан. И протянул мне колоду: – Снимай.

– Не буду.

Взгляд Бохая мгновенно потяжелел:

– Почему?

– Не умею.

Парни переглянулись.

– Врёшь, – припечатал Джиан. – Зассал, что проиграешь, так и скажи! А ещё в борцы выбиться собрался.

– С чего ты взял, что я собрался?

– Скажешь, нет? – усмехнулся Джиан. – Каждый в школе Цюань мечтает стать борцом, хоть дружка своего спроси.

– Тао?

– А ты уже другими обзавёлся?

Я промолчал.

– Дружок-то твой – кретин кретином, а фишку просёк, – продолжил Джиан. – Не сам, конечно, подсказали.

– Можем и тебе подсказать, – вклинился Бохай, – если ерепениться не будешь. Ты, вроде, парень что надо... Играем?

– Нет, – отрезал я.

Бохай прищурился. Оглядел меня с головы до ног. Не знаю, кому подражал – но я от этого взгляда, вероятно, должен был забиться в покаянной истерике.

Что ж, жаль разочаровывать, но уступать я не намерен. И если Бохай не совсем дурак, он это поймёт.

Бохай оказался не дурак. Помедлив, процедил:

– Тогда пошёл вон отсюда.

А в следующую секунду мне в лицо полетела чашка с кипятком.

Делать выводы Бохай действительно умел. Жаль, что неправильные.

Кипяток, конечно, успел немного остыть... Но, в общем, хорошо, что чашка не долетела. Моя рука действовала как будто отдельно от меня – метнулась вверх и поймала чашку на лету. А вскочил я раньше, чем поймал чашку. Швырнул

её, целясь Бохаю в глаз.

Девчонки запищали. Я следил за Джианом – кипяток плеснул на него, он едва успел увернуться, и благодаря этому я выиграл пару лишних мгновений. Бросился к выходу. Второго шанса не драться одному против шестерых мне, скорее всего не предоставят.

– Ублюдок! – взревел Бохай.

Я услышал это, когда уже нёсся по коридору. А через секунду, не оборачиваясь, понял, что меня догоняют.

Ещё через секунду понял, что, как бы ни старался, догонят – тело у меня настолько тщедушное, что сам себе противен. А борцов и кормят на убой, и пожилой длинноволосый с палкой вряд ли зря свой хлеб ест. Благо хоть, судя по топоту, вдогонку бросился кто-то один.

Я бежал быстро, как мог. До нашей с Тао двери осталось несчастных метров пять, когда меня с силой толкнули в спину. К этому я был готов и, упав, тут же ушёл перекатом в сторону. Сработало – Джиан растянулся на полу на том месте, где по его расчётам должен был оказаться я.

Я вскочил на ноги и бросился к двери. В несколько прыжков оказался возле неё, распахнул и влетел в комнату, едва не врезавшись в кровать. Дверь осталась открытой настежь – закрывать её было бесполезно, изнутри двери не запирались. Только снаружи, на ключ – это я заметил, ещё когда впервые оказался в комнате.

Я быстро огляделся. Единственное, что здесь могло сойти

за оружие – тумбочка. Моя собственная пуста, а рассчитывать на то, что в тумбочке у Тао окажется что-то посерьёзнее порнографических комиксов, вряд ли стоило.

Я схватил свою тумбочку и переставил так, чтобы она оказалась между мной и дверью. Схватив, понял, что это максимум, на который способно моё убогое тело – если оторвать тумбочку от пола я ещё могу, то запустить её в Джиана точно не сумею. Ну, хоть опрокинуть на него попробую – всё лучше, чем ничего.

От визга проехавших по полу ножек тумбочки проснулся Тао. Вскочил на кровати, бестолково завертел головой:

– Лей?! Ты чего?!

Ответить я не успел – на пороге показался разъярённый Джиан.

Оценил обстановку: отгородившегося тумбочкой меня и проснувшегося Тао.

Серьёзными соперниками мы, разумеется, не выглядели. Но Джиан бежал за мной молча, на пол рухнул, не издав ни единого звука – и я сделал вывод, что поднимать шум ему не с руки.

– Ты, – ненавистно глядя на меня, прошипел Джиан, – ничтожный кусок дерьма! Запомни – в школе Цюань узкие коридоры. Всю жизнь не пробегаешь.

– Запомнил, – пообещал я. – Если у меня появится желание сыграть, я приду. Только таблетку захвачу. Передай Бо-хаю, что я не привык играть, не видя ставки.

Глава 9. Шужуань

Несмотря на все ночные приключения, проснулся я ещё до побудки. Как будто разум был заведён на определённое время – меня прям подкинуло. Сел в постели, проморгался и понял, что «ну ещё пять минуточек» – это не про меня.

Рассветные лучи проникали в комнату через окно. Я встал, потянулся и начал делать гимнастику, стараясь не шуметь. Какие упражнения, в какой последовательности – не задумывался. Включились те же рефлексy, которые заставили меня повалиться на пол Ниу, схватить на лету чашку – мои руки и ноги всё прекрасно знали и без меня. Думать, почему так происходит, я устал ещё вчера.

Тао дрых, разинув рот и всхрапывая. Хоть стонать перестал – и то ладно. Похоже, если его не слишком бить, то двенадцать часов ломки он переживает вполне нормально.

По мере того, как я заставлял свои жидкие мышцы разогреваться, в комнате светлело, и я снова обратил внимание, что стены покрывают надписи. В основном, это были имена и пара-тройка слов. Как будто каждый, кто жил в этой комнате, оставлял автограф.

«Здесь жил Сюин. Радуйся».

«Ли. 4737 –»

«Бог ненавидит тебя. Цзе».

Размахивая руками, я скользил взглядом по этим надпи-

сям, напоминающим эпитафии, пока взгляд не споткнулся об одно имя. Я шагнул к стене ближе и прочитал:

«Джиан. Счастливо оставаться».

Тот ли это Джиан, с которым мы так мило пообщались ночью, или другой? Спрашивать, пожалуй, воздержусь. Вряд ли он будет в настроении предаваться ностальгии.

Вспомнив вчерашнее, я болезненно скривился и отвёл было взгляд, но он буквально зацепился за бледную надпись, сделанную чьей-то небрежной рукой рядом с именем Джиана. Задолго до того, как Джиан написал своё прощание.

«Юн из Байшаня. 4724»

Цифры мне ни о чём не говорили.

А вот Байшань...

Белая гора.

Китаец из видения-воспоминания.

По ушам ударил резкий сигнал побудки. Тао застонал, заворочался. А я всё стоял и смотрел на стену, в одних трусах. Смотрел и думал.

Увидел ли я это слово, а потом подсознание решило сыграть со мной шутку и породило то видение? Или же это – одно из тех удивительных совпадений, что определяют нашу жизнь?

– Ты уже встал? – спросил Тао.

Я не стал отвечать на дурацкий вопрос. Натянул штаны, накинул куртку.

– Байшань, – повторил вслух, возясь с завязками.

– А чего Байшань? – спросил Тао.

– Так... Вспомнилось.

– Бывал в Шужуане?

Я резко развернулся и уставился на него.

– Где бывал? Как ты сказал?

Тао отшатнулся, заморгал, демонстрируя дух борца.

– Шу... Шужуань, – пробормотал он. – Так мы называли это район.

Шужуань. «Обрубки».

– А почему? – спросил я.

– Да не знаю. Вроде, говорят, из-за калек всяких. Ну, которые у туристов клячат – которые приезжают, чтобы подняться на гору. Правильное-то название – Байшань, Белая гора. Калек там вокруг – полно.

– Там всё началось, – задумчиво повторил я слова китайца, в существовании которого уже не сомневался.

Что ж, попробуем собрать всё в кучу. Что у нас получается? Я – полицейский. Работал с напарницей, не китайкой. Меня похитили, или что-то вроде того. Мне вкололи наркотик. Со мной говорил китаец. И ещё – светящийся круг на полу.

То ли воспоминания, то ли галлюцинации. Может, я вообще вижу свою прошлую жизнь. Это, конечно, занятно, только непонятно, зачем мне нужно. Как мне эти воспоминания помогут сбежать из школы?

– Пошли умываться, – сказал Тао. – А то предупреждения

влепят за опоздание.

– Угу... Сейчас, койку заправлю.

* * *

Зубная паста и зубная щётка обнаружились в тумбочке, там же было и полотенце. С утренним туалетом я справился раньше всех, хотя никаких ощутимых преимуществ мне это не принесло. Воспитатель, ждавший во дворе на построение, лишь лениво глянул на меня, явившегося первым.

Начиналось моё первое «правильное» утро в школе Цюань. То есть утро, когда просыпаешься в своей койке, а не в консерватории, и далее живёшь в соответствии с распорядком.

Когда все собрались во дворе, нас пересчитали, после чего двое воспитателей, размахивая руками, негромко заговорили меж собой.

– Жонг сбежал, – сообщил мне Тао.

– Как? – спросил я, не успев прикусить язык.

Неправильный был вопрос. Надо было сказать что-нибудь вроде: «Серьёзно? Ну ничего себе! А кто такой Жонг?». Но меня целиком и полностью захватила мысль о том, чтобы сбежать из школы, и теперь я, услышав о чужом успешном опыте, сразу заинтересовался.

– Кто ж его знает, – пожал плечами Тао. – Только он давно говорил. Ему, там, то ли к сестре, то ли к матери зачем-то

надо. А может, к брату. – Тао задумался, пытаясь вспомнить точно, к кому надо было попасть Жонгу.

– И что теперь? Будут искать? – спросил я.

– Да кому он нужен? Заломает – сам приползёт. Или упадётся опять. Искать – себе дороже.

Он, похоже, был прав. Не знаю, о чём спорили воспитатели, но, когда они повернулись к нам, то сказано было лишь:

– Птицы! На всех записывается десять предупреждений. И ещё по одному за каждый день, пока он не вернётся.

Из чего я заключил, что пропавший Жонг носил красное ифу.

– Не позавидуешь Жонгу, – вздохнул Тао. – Теперь его будут ждать с нетерпением.

* * *

На молитве мы около получаса повторяли непонятные слова. Собственно, это были даже не молитвы, а мантры, и мы их пели. Я не знал, что петь, поэтому просто открывал рот.

То и дело я чувствовал взгляды борцов. Пытались напугать. Что ж, надо ждать удара в любую секунду, с любой стороны. Как, в общем-то, и всегда.

После молитвы – завтрак. За столом я увидел Ниу, она на меня не смотрела настолько демонстративно, что я почувствовал себя голым. Вот интересно, тот рис, что ночью гото-

вила, она куда дела в итоге?..

– А скольких борцов могут за раз принять? – спросил я Тао, когда мы с ним на пару добросовестно «раздевали» берёзовые чурки.

– В смысле? – не понял Тао.

– В смысле, на перепрофиле. Ну, вот если ты пойдёшь на это испытание, то я – смогу?

– А. – Тао, как всегда, когда с ним о чём-то заговаривали, выпрямился и упёр лопату «носом» в землю. – Конечно. Хоть всех сразу возьмут. Борцы нужны. Чем больше хороших борцов, тем турниры интереснее.

– Тао! – рявкнул Шен, который опять подкрался к Тао незамеченным. – Первое предупреждение тебе сегодня!

Тао нехотя вернулся к работе. Как только Шен отошёл, он доверительно сообщил мне:

– Да и плевать. Птицы теперь так упали, что одно предупреждение погоды не сделает.

– А если в консерваторию закроют? – напомнил я о другом риске.

Тао помрачнел. До сих пор ему, кажется, успешно удавалось не вспоминать про Джиана. Я подумал про таблетку, спрятанную в матрасе. Про ещё одну, утреннюю, которая лежит в рукаве. Сегодня к вечеру их у меня будет уже три. Помнится, Бохай предлагал против одной таблетки – сразу два контейнера с едой. Конечно, это было позёрство, замануха. Но любая замануха должна быть хоть немного логич-

ной. Иначе лох догадается, что он – лох.

Отдать таблетки Тао? Глупый вариант. Пойти к борцам и попытаться наладить отношения, проиграть им эти таблетки, наконец? Чуть умнее, но что-то не хочется. Пусть таблетки пока просто будут, а с борцами я сам разберусь. И Тао тоже пускай сам разбирается, не маленький мальчик.

* * *

На прогулке ко мне так подошла Ниу. Глядя в сторону и вниз, сцепив перед собой руки, она... Я сначала даже не понял, что она бубнит, попросил повторить. Ниу набрала воздуха в грудь и произнесла громче:

– Прости, что так дерзко говорила с тобой ночью. Я не хотела насмехаться над тобой.

– Да знаю я.

– Знаешь? – Ниу подняла на меня взгляд.

– Конечно, – улыбнулся я. – Ты просто за меня волновалась, вот и всё.

Она тоже нерешительно улыбнулась в ответ.

– Только в кухню я всё равно не пойду, – поспешил я разбить её надежды.

Улыбка сползла с лица Ниу.

Услышав лязг и скрип, я повернулся к воротам. Ожидал увидеть там давешний автобус, но вместо него во двор заехал грузовик.

– Наконец-то! – воскликнула Ниу.

– Это что? – спросил я.

– Продукты, мусор, я сейчас, – сказала Ниу и убежала.

– У них там одни девчонки, – сказал Тао, тоже глядя на грузовик. – Как грузовик – так все вместе собираются. И постоянно норовят затащить к себе какого-нибудь парня.

Я кивал, словно бы невзначай подходя к грузовику, который подъехал задницей ровнёхонько к той двери, что вела из кухни.

Из кабины выпрыгнули двое: один – водитель, худощавый и сутулый парень с длинными руками. Он тут же открыл двери фургона, закрепил их и вновь бросился к кабине – подъехать ближе. Дверь открылась, я увидел за ней нескольких девчонок и Ниу в том числе. Вскоре их скрыло фургоном.

Второй был охранником. Он тут же достал дубинку из металлического кольца на поясе, и стал, позёвывая, ей вертеть. К нему подошёл один из наших воспитателей, которого я раньше не видел. Тот, с шокером, видать, сегодня был выходной.

– Почему так долго? – услышал я. – Вы опоздали на... На сколько? На четыре часа!

– У нас в карте прописано: с десяти до двух, – зевая, ответил охранник.

– Но сейчас уже половина третьего!

– Часы остановились. Чего вы беспокоитесь? Что эти крысята не поедят вовремя?

Пока охранник и воспитатель препирались, водитель незаметно прошёл вдоль фургона и нырнул в щель между ним и дверью. Вскоре он появился вновь, с цветущей улыбкой на лице.

– Ладно, понял, – сказал охранник, резко прекращая спор. – Больше не повторится, обещаю.

– Смотрите мне, – напутствовал довольный победой воспитатель и, подписав что-то, удалился.

Вскоре грузовик уехал. За пять минут до окончания прогулки ко мне подбежала Ниу.

– И часто он приезжает? – спросил я, кивнув на закрывающиеся ворота.

– Раз в неделю, – сказала Ниу.

– И вы каждую неделю таскаете, там, всякие коробки, контейнеры...

– Ну... да. А что?

– А если я приду сегодня ночью, покажешь ещё раз, сколько там чего наливать да сыпать?

Ниу просияла, схватила меня за руку:

– Так ты всё-таки пойдёшь к нам?

– Ну конечно, – пожал я плечами. – Так во сколько встречаемся?

Автобус – это один разговор. А грузовик с наглухо закрытым кузовом – совсем-е-ем другой.

Глава 10. Ставка на троих

– Ну? – торопила меня Ниу. – Давай!

– Подожди, я должен сосредоточиться.

– Да чего там сосредоточиваться? Ты всё уже сделал, осталось только посмотреть.

– И почему у вас нет прозрачных крышек?

– А-а? – удивилась Ниу.

– Ладно, – вздохнул я. – Открываю.

И снял крышку с кастрюли. В лицо ударило облачко пара. Как только оно развеялось, я увидел безнадёжно разварившееся месиво, на которое даже с голодухи смотреть было тошно.

– Очень хорошо! – похвалила Ниу и деревянной лопаткой поковыряла месиво.

– Серьёзно? – покосился я на неё.

– Конечно! Сегодня рис даже не подгорел. Ты совершаешь разные ошибки, значит, ищешь верный путь. А путь можно найти, только если искать.

Я только головой покачал:

– Знаешь, из тебя, наверное, прекрасная мать получится.

Сказал, особо не задумавшись. А Ниу уронила лопатку на пол и вытаращила на меня глаза:

– Че-е-его?

Я ходил в кухню ежедневно уже неделю. За это время я

кое-что о себе понял. Может быть, я умею драться (толком проверить это пока случая не было, борцы вели себя тихо, не то замышляли гнусность, не то забили на меня, как на мелочь, не достойную внимания). Может быть, я соображаю лучше большинства учеников этой так называемой «школы». Может быть, даже я каким-то образом помню, кем был в прошлой жизни. Но вот кулинарный талант обошёл меня стороной. По широкой дуге.

«Это ничего, – утешала неунывающая Ниу. – Тебе главное испытание пройти, а потом готовить у плиты вряд ли будешь. Ты будешь резать мясо, раскатывать тесто, таскать тяжести – всякие такие вещи».

Звучало соблазнительно. Ей бы рекламным менеджером работать, а не в этом приюте кашеварить. Сплю и вижу, как буду резать мясо и таскать тяжести.

– Какая ещё мать? – Сейчас Ниу возмущалась, или, по крайней мере, делала вид. – Зачем ты так говоришь? Я никогда не выйду отсюда.

За маской возмущения я угадывал затаённое отчаяние. Ниу смотрела в сторону, стараясь скрыть влажный блеск глаз. Пусть она пока ещё была молода, но уже поняла, что все возможности в её жизни сжались до ключей от кухни, и этого уже не исправить.

Если играть по правилам.

– Посмотрим, – сказал я, взял тарелку и поднял с пола деревянную лопатку.

– Что значит «посмотрим»?

– Это значит, что мы посмотрим. А что, по-твоему, это ещё может значить?

Давать обещания я не люблю. Лучше сделать, сколько бы времени это ни заняло, и пусть будет приятный сюрприз, чем годы ожидания. В том, что сам я так или иначе отсюда выйду, у меня не было никаких сомнений. А потом – потом я постараюсь вытащить и Ниу. Когда разберусь, как всё устроено. Когда доберусь до Шужуаня и, если посчастливится, найду того китайца из воспоминаний.

– Ты что, собрался это есть? – скривилась Ниу.

– Угу.

– С ума сошёл? Выброси!

– Это – еда, Ниу. Оттого, что она невкусная, она не перестаёт быть едой.

Ниу молча смотрела, как я накладываю себе в тарелку неаппетитную кашу. Она во мне многого не понимала, например, вот этого вот трепетного отношения к чужим, казённым продуктам. Если мясо имело смысл беречь – оно предназначалось для борцов и воспитателей – то уж риса-то было столько, что его никто не учитывал и не берёг. Все сотрудницы кухни так или иначе таскали еду своим, некоторые, полагаю, строили на этом бизнес. Если подумать, то у местной экономики наверняка на самом деле две вершины: борцы и кухонщики. Возможно, ещё – лечебница. Если где-то и хранятся запасы таблеток, то наверняка там. И я готов собствен-

ную голову поставить на то, что есть здесь спецы, которые, ложась в лечебницу, добывают лишних таблеток, после чего пускают их в оборот.

Я упрямо съедал всё, что выходило из моих рук в кухне, по одной простой причине: мне нужно было жрать. После монотонной отупляющей работы, от которой потом руки висели плетьюми, я дожидался отбоя и начинал тренироваться. В ход шло всё: собственный вес, тумбочка, перила, опоясывающие галерею второго, спального яруса.

Только после этого, мокрый от пота и едва держащийся на ногах, я тащился в кухню постигать тонкости учения Ниу.

Делать ставку на что-то одно мне почему-то не хотелось. Как будто тогда, в прошлой жизни, я на что-то – или на кого-то? – возложил слишком много надежд, и в результате очутился по уши в дерьме.

Устроиться в тёплой и сытой кухне, чтобы дни в школе были не такими отупляюще-безысходными? Ладно.

Попытаться сбежать из кухни с использованием грузовика, привозящего продукты и вывозящего мусор? Хорошо.

Уделить внимание своей физической форме, чтобы, в случае неудачи с грузовиком, иметь возможность пройти испытание и стать борцом? Прекрасно!

Чего я не мог – так это сидеть на месте и ждать, пока что-то изменится.

– Куда ты каждую ночь ходишь? – с подозрением спросил Тао, когда я слишком поторопился встать, и он не успел

уснуть.

– Не волнуйся, не к борцам, – успокоил я его.

– А с чего мне волноваться-то? – тут же набылчился Тао.

– Мало ли. Кто вас разберёт, счастливых обладателей духа борца...

Кончилось всё тем, что Тао увязался за мной. Он каждый вечер относил Джиану таблетку, и теперь у него развилась бессонница. Он еле шевелил лопатой на работе, и Шен каждый день выдавал ему по одному предупреждению, видимо, поняв, что большего от Тао всё равно не добиться.

Тао посмотрел, как я подтягиваюсь на перилах. У этого упражнения была одна тонкость. Когда силы заканчивались, нужно было обязательно подтянуться ещё хоть разок, чтобы залезть обратно, иначе пришлось бы падать. С такой высоты, наверное, ничего не сломаешь, но всё равно – приятного мало.

– Не понимаю, зачем тебе это нужно, – сказал Тао, протянув мне руку, когда я, пыхтя, забирался обратно на галерею. – Мало устаёшь на работе? Так попроси, чтоб тебя на распили перевели.

– Видишь ли, Тао, – вздохнул я, перелезая через перила, – не всем повезло родиться с духом борца. Нам, несчастным, приходится тренировать презренное тело.

Всё-таки иногда, разнообразия ради, Тао соображал, что я его подкалываю. Тогда он без всякого переходного состояния превращался в берсерка. Вот и сейчас он попытался ме-

ня ударить.

Надо отдать ему должное, бил он быстро и неожиданно, тут вспышки злости помогали. Однако мной в минуты опасности управляло что-то посильнее «духа борца», это я уже успел заметить той весёлой ночью, когда Бохай запустил в меня чашкой.

Сейчас я тоже не сплеховал. Уклонился от удара, сверзившись обратно, на ту сторону перил. Присел и ударил ногой между балясинами. Удар пришёлся Тао по ноге, на которую он перенёс вес. Он, разумеется, тут же замахал руками, как курица, и упал бы рожей на перила, если бы я его не поймал.

– Никогда не смей на меня кидаться, если я не разрешил, – сказал я. – Понял меня? Никогда. В другой раз можешь так легко не отделаться.

– Да я!.. Да ты...

– Тао. Ты меня слышал?

Тао сопел, сжимая кулаки.

– А не надо про меня говорить такое.

– Какое «такое»? – усмехнулся я.

– Такое. Всякое.

– Ладно, договорились, – сказал я. – А теперь – пошли.

– Куда?

Я перелез, наконец, на галерею и отступил, создав между нами дистанцию.

– Вниз. Покажешь мне, чего стоит твой «дух борца».

– Ты опять? – вскинулся Тао.

– Пошли!

Мы спустились вниз, и я шёпотом велел Тао нападать. Он ткнул в меня кулаком.

– И что это было? – спросил я, отбив удар тыльной стороной ладони.

– Что? – искренне удивился вопросу Тао.

– Это я спрашиваю, «что»? Там, наверху, ты не так бил.

– Так тогда я на тебя разозлился.

Эта детская непосредственность меня просто очаровала. Я бы прослезился, если бы мог.

– Ну так разозлился уже, – попросил я.

– На что?

Ладно. Будем работать с тем, что есть.

– Не ори только, – попросил я и быстро врезал ладонью по голове Тао.

Получился увесистый шлепок. Тао воздухом поперхнулся от возмущения и попёр на меня, как танк. Отлично.

– Слабо, – сказал я, отступив в сторону и сделав подсечку.

Тао, рыча, поднялся с песка. На этот раз он не пытался повалить меня таранным методом. Выбросил вперёд кулак, я отвёл его ребром ладони. Вернее, хотел отвести. Руки сами собой выполнили захват. Я вошёл в движение Тао, повернулся к нему спиной и выполнил несложный бросок.

Тао грохнулся спиной на песок и застонал.

– Просил же не орать! – шикнул на него я. – Вставай давай!

Тао поднялся. Даже ночью, в неверном свете луны, было видно, что он обижен и недоумевает.

– Слушай, ты вообще дальше своего носа хоть что-нибудь видишь? – не выдержал я. – Когда пройдёшь испытание и станешь борцом, тебе придётся постоянно тренироваться. Тренировки борцов – это в первую очередь спарринги. Ты должен будешь бороться с этими ребятами, – я кивнул на спальное крыло борцов, – и при этом не забывать, что они – твои друзья. Может, начать привыкать уже сейчас?

Кажется, он призадумался. Я нашёл верную дорожку к его немудрёному сердцу, вовремя заменив «если» на «когда». «Когда пройдёшь испытание», да, так лучше.

– Меня просто ломает, – пробубнил Тао.

Ломало его не сказать, чтобы прям сильно. Всё-таки волевые установки – великая вещь. Даже если их дают со стороны.

– Долго тебе ещё расплачиваться?

Тао вместо ответа кинулся на меня. Я повторил тот же самый бросок. В этот раз получилось чётче. Кроме того, я задержал руку Тао в своей руке. Понял, что могу её выкрутить, вывихнуть, сломать.

– Серьёзно. – Вместо того чтобы выполнить болевой приём, я помог Тао подняться. – Сколько можно было проиграть за раз? Ты что, вообще не думал?

– Десять таблеток, – пробурчал Тао и попытался ударить меня в живот.

Это уже вовсе выглядело нелепо. Я перехватил его руку и сам толком не понял, что делаю. Какое-то быстрое, резкое движение. Тао закричал, полетел кувырком.

Китаец в белом ифу со стоном падает на коричневый мат. Он лишь первый, они летят на меня со всех сторон. Приходится крутиться, приходится одновременно драться с двумя, с тремя. Блок, удар, блок, подсечка, захват, бросок, блок, удар...

Крики. Фигуры в белых ифу, одна за другой, летят на маты. Некоторые встают, некоторые – отползают.

– Тихо ты! – Видение-воспоминание развеялось так же неожиданно, как и появилось. Я присел рядом с корчащимся на песке Тао. – Больно?

– Конечно больно! Ты мне руку сломал!

– Не сломал. Максимум – растяжение. Так сколько ты проиграл, Тао?

– Десять таблеток, – проворчал он, сев на песке.

– Всего? Так ты уже вот-вот рассчитаешься.

– Я процент отдаю.

– Чего?

– Процент, «чего». – Тао поднялся на ноги, одной рукой держась за плечевой сустав другой. – Долг надо отдать сразу, куском. А за каждый день просрочки – таблетка процентов. А две таблетки я отложить не смогу!

Последнюю фразу он практически выкрикнул, с вызовом, как будто это я был виноват в его ситуации.

– Тихо!

Я огляделся. Почудилось, что где-то стукнула дверь. Нет, не почудилось. Вон, тень скользит по галерее. Ниу вышла на улицу.

– Ладно, пошли, – сказал я, хлопнув Тао по здоровому плечу.

– Куда?

– В одно хорошее место.

Ниу заметила меня сверху, махнула рукой и поспешила к лестнице. Я пошёл навстречу, ничего не понимающий Тао тащился следом. И вдруг мне послышался ещё один стук.

Первым делом я взглянул на крыло борцов, но там было спокойно. Нет, звук слышался откуда-то ниже. Цех? Нет, с другой стороны. Там находилась дверь, через которую входили и выходили только борцы и их учитель, Вейж. Она хлопнула? Кто-то наблюдал за нами оттуда? И чем нам это грозит, учитывая, что шататься после отбоя запрещено? Пусть не очень строго запрещено, но всё-таки...

Глава 11. Открытая дверь

Присутствию Тао Ниу отнюдь не обрадовалась. Пока я возился со злополучным рисом, она мне всю плешь проела.

– А если он кому-нибудь расскажет? – шипела Ниу мне на ухо, пока Тао с любопытством путешествовал по кухне.

– Не расскажет, он обладает духом борца.

Я закрыл крышку, включил плиту и засёк время по настенным часам.

– Очень смешно, Лей!

– Ничего смешного, Ниу.

– Духом борца не обладают даже борцы.

Тут я с интересом посмотрел на разгневанную Ниу, которая воинственным жестом убрала со лба чёлку и уперла руки в бока.

– Тао, – крикнула она, – ты что, на улице рос?

– Ну да, – отозвался Тао. – А что?

– А то, что хватит трепать на каждом углу про «дух борца».

– Это ещё почему?

Тут я аккуратно переместился так, чтобы, в случае чего, успеть оказаться между Тао и Ниу. В том, что этот гигант мысли кинется на неё, если ему не понравится услышанное, я даже не сомневался. Тао был из таких людей, которые швыряют в стену телевизор, если тот показывает что-то непри-

ятное.

– Потому что когда твою глупую похвальбу услышат не те уши, тебе придётся ответить за свои слова!

– И отвечу!

– Да ты что? – Ниу зло рассмеялась, так же, как в ту ночь, когда я сказал ей, что намереваюсь стать борцом. – Дух – это качество, которое пестуется из поколения в поколение в каждом клане. Люди, обладающие духом борца, могут одним взглядом убить человека! Они могут силой своей воли перемещать предметы, ходить по воздуху. Они могут практически всё! Уж в таком месте, как эта школа, духу борца делать нечего. Ты просто услышал красивые слова, не понял, что они означают, и повторяешь.

Тао стоял, как будто его помоями окатили. Молчал, не дёргался. Ниу же, уверившись в своей победе, повернулась ко мне:

– Я видела одного человека, который обладал духом, когда ещё училась в танцевальной школе. Он пришёл забрать дочь своего начальника. На улице на него напал грабитель с ножом. Так этот человек на него даже не взглянул! Грабитель ударил его ножом и упал с перерезанным горлом, а на нём – ни царапины!

– Это как так? – заинтересовался я. – Может, он всё-таки двигался, но так быстро, что ты не заметила?

– Нет, Лей, – покачала головой Ниу. – Дух – это сила, которой обладают только очень особенные люди. Дух откры-

вает возможность использования разных магических боевых техник. Конечно, за пределы клана такое стараются не выносить, но люди всё равно говорят.

– Вот именно такой у меня и есть, – упрямо заявил Тао. – Мне только раскрыть его нужно. А для этого нужен учитель.

Ниу устало махнула рукой и отошла к занавешенному окну.

– Чего она? – буркнул Тао, потирая больное плечо.

Чего-чего... Время подходит к концу, скоро испытание. Если пройду, мы будем работать вместе, с другими, и эти ночные свидания прекратятся, так ни во что и не перерастут. А тут ещё Тао, чьё чувство такта уступает лишь его же духу борца. Лично я Ниу прекрасно понимал, что не мешало мне радоваться присутствию Тао. При нём сохранять дистанцию с Ниу было проще.

– Не обращай внимания, – сказал я. – Скажи лучше, как можно заработать таблетки здесь?

– Стать борцом, – не задумываясь, откликнулся Тао.

Я закатил глаза. Ну да, все дороги ведут к борцам. Спрашивать, как именно они зарабатывают, не буду. Как говорится, не дурак, сам понял. Облапошить лоха в карты, пригрозить, припугнуть, отобрать. Тот же Джиан сейчас отлично кормится с Тао. Наверняка совсем не беспокоится о том, чтобы получить основной долг. Зачем? Ведь лучше меньше, но чаще.

Таблетки я продолжал спокойно откладывать каждый

день. Утреннюю прятал в подвёрнутый рукав и вместе с вечерней перед сном убирал в матрас. Старался, чтобы Тао этого не видел, а когда он спрашивал, говорил, что пью. На самом деле если бы я действительно глотал эту дрянь, то, может, и не дожил бы до сегодня.

И вот теперь передо мной встал вопрос. Помочь ли Тао разделаться с долгом? С одной стороны, мне это ничего не стоит. А с другой...

– Зачем играл-то? – спросил я, покосившись на кастрюлю с рисом. – Чего хотел?

– На взятку набрать, – признался Тао.

– Чего?

– Если дать борцам взятку, десять таблеток, то на испытании тебе поддадутся!

– Ты пошёл к борцам, надеясь выиграть у них таблетки, чтобы этими же таблетками дать им взятку? – уточнил я. – И, наверное, посвятил их в свои планы?

– Ну да! – смотрел прямо и удивлённо Тао. – А что?

Я покачал головой. Нет уж, таким людям помогать – это как пытаться наполнить бочку без дна. И как он умудрился выжить на улице?! Оливер Твист, блин, недоделанный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.